

Изначальные

Том первый
Отмщение

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Антонов

Дмитрий Антонов

Изначальные

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Антонов Д.

Изначальные / Д. Антонов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5320-9962-3

Когда грифоны состарились, а драконы не родились, когда чародеи парили в небесах, а род людей не покорил атом, жило себе могучее государство храбрых воинов. И не ведали они, что древнее зло восстало от долгого сна, обратив взор на мир людей. Когда враг окрепнет, и возродит мощнейшую армию всех времён, живым придет ужасный конец. Но не перевелись ещё богатыри, объединив силы, могучие воины вступают в неравную схватку на стороне добра, дабы навсегда покончить со злом и, защитив жизнь, прекратить войну раз и навсегда. Однако этому не суждено было сбыться... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9962-3

© Антонов Д., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

ИЗНАЧАЛЬНЫЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	68

ИЗНАЧАЛЬНЫЕ

Что в том правда, а что вымысел, про то нам не ведомо, но быть, сокрытая в свитках древних, из уст в уста передается, из поколения в поколение хранится, от деда к отцу и от отца к сыну рассказывается, дабы не пропали в глубине веков славные подвиги пращуров наших, вершивших дела великие, во благо народа Российского...

Так, могло начинаться повествование в древних ведах. Про народ именно Российский не обессудьте, добавил от себя, но если не так, тогда как назывались наши предки и наша Родина? Где наши корни? Почему нас заставляют верить лишь в двухтысячелетнюю историю славян или того меньше? Но ведь мы знаем, какой ныне год и какое тысячелетие только лишь от начала сотворения мира с некой поверженной цивилизацией дракона.

7527 лет.

Если это так, то, что было много раньше? Сколь в реальном летоисчислении возраст славянской цивилизации?

Я не зря задаю подобные вопросы, доказательства наиглубочайшей истории находятся у нас под ногами. Это и разрушенные звездообразные крепости, по периметру наших границ, и то, куда смотрели бойницы Великой Китайской стены, и почему изначально, она защищала тех кто с севера, оттого, что с юга. Гигантские валы с запада России, пирамиды в Сибири, мегагорода на востоке нашей страны, тоннели с гладкими стенами, возраст которых несколько десятков тысяч лет! А как быть с останками великанов, коих археологи находят повсеместно?

Ответ этому один.

Мы куда старше, чем нам хотят втолковать новоявленные псевдоисторики, исключаящие и не воспринимающие объективные факты существования много развитых Славян, наших предков.

Но давайте на минутку! Хотя на секунду, допустим, что случилось невероятное, и наша цивилизация сбросила цепи псевдоистории чуждых нам мировоззренцев запада, и непредвзято взглянем на собственные корни.

Но вы спросите:

– Как глубоко смотреть?

И я отвечу – в самую бездну веков, в те древние эпохи, где родилась история сибирской принцессы. Туда где жили гиперборейские великаны и в небесах парили грифоны. В место и в то самое время, когда низвергнутые в недра земли кровожадные существа проснулись от долгого сна, желая, взять реванш. В те времена, огромное государство раскинулось от европейской Эльбы до сибирского Енисея населённое многообразными людьми.

Люди те ценили жизнь, в каждом существе порождённом Матерью-природой, почитали богов, считая их творцами всего сущего. Владели магией, оберегавшую природу, да крепко держали своё слово, отчего были прозваны другими народами – Словянами.

Именно с момента, когда старая эпоха Великой и Славной Гипербореи уступала место царству людей, когда наступали тысячелетия драконов и грандиозных перемен. В век, когда Изначальные повсюду жили меж смертных, не скрываясь, но, помогая и обучая. Когда осколки Пангеи только-только начали свой долгий путь друг от друга, превращаясь в знакомые нам материки, мы и примемся за наш эпохальный сказ.

В тот год правитель земель словянских князь Святослав Слович ждал четвёртого сына, находясь в столице некогда враждебного государства, царица которого, тридцать лет назад, стала ему женою.

И в это время, двумя тысячами верстами севернее, произошло немыслимое...

Словянские земли южный тракт

Тишина древнего леса оглушала, вековые дубы, возвышались с обеих сторон тракта, полностью закрывая небо могучими кронами, и казалось, будто дорога шла сквозь зеленый тоннель. Куда ни глянь, словно сказочный многоцветный ковёр, росли папоротники и древние «Лучезарки», мерцающие радужными огнями в сумраке без крайней дубравы. Пели птицы, любопытные обитатели северного леса нередко выскакивали из зарослей, наблюдая за пришлыми незнакомцами, которые потревожили их спокойные пенаты, а затем с недовольным видом, возвращались в чащу, заниматься привычными делами.

Дорога в этом чудесном месте, была единственным напоминанием о могучем государстве людей, кое раскинулось от древней Гипербореи до гигантского разлома, а северные леса считались малой частью огромной империи, возведённой людьми и великанами на заре времён.

Кстати сказать, по краям дорожного полотна с момента возведения, сияла голубая люминесцентная краска, обозначающая контур южного тракта и не дающая пьяным мужикам, даже в полной прострации, заблудиться в самую тёмную ночь. Это придавало дороге некую таинственность, ведь никому не известно, что ждёт путника за следующим поворотом.

«Как странно», – поймала себя на мысли Аппелагея, рассматривая тракт. – «Столько лет прошло, а великанье творение продолжает радовать глаз людей, оставаясь такой же ровной, как и много столетий назад».

Ноги затекли от долгой поездки, и когда её бравые защитники решили встать на ночлег большим лагерем в чудной дубраве, княжна направилась прогуляться вдоль обоза, внимательно разглядывая собравшихся. Витязи и ратники готовили ужин, некоторые собирали хворост для костра, дружелюбно поглядывая на обитателей леса, но были и те, кто откупоривал крынку с хмельным медом.

«Видать, в ночной караул не заступать. Раз так, пусть отдохнут», – подумала княжна.

Служба у воинов словян не легка. Витязи постоянно перебрасываются из одной части страны, названною «Просторными Землями», в другую, будь то борьба с разбойниками или война с захватчиками. У ратников тоже не сахар, они ежегодно ратируются по приграничным гарнизонам, поэтому нахождение в центральных округах, каким является Ярлгород – столица всех земель словян, расценивается ими как некий курорт.

«Вот и пусть радуются миру», – Аппелагея улыбнулась своим мыслям, затем сойдя с дороги, сорвала голубую Лучезарку. Вдохнув аромат древнего соцветия, княжна с восторгом для себя поняла, насколько дивно это создание великого творца, и какую чудную красу вложили старые боги в лучезарное растение.

– Держи, – передала Аппелагея цветок повитухе, – этот сгодится для обезболивающего снадобья.

С недавнего времени супруг, великий князь Просторных Земель Святослав Слович, обязал брать повитуху во все поездки, и это было нормально в её-то положении, беременность хоть и протекала достаточно легко, но кто его знает, что случится завтра. Аппелагея медленно пошла дальше, бережно поглаживая свой чрезмерно большой живот. Малыш тут же почувствовал прикосновение матери и шевельнулся.

– Уже скоро, – сказала она, успокаивая его. – Скоро.

Если волшебники Чудо-камня не ошиблись, чего до сего времени не случалось, то на этот раз двойни не будет. Ранее Аппелагея радовала мужа только двойняшками, Градимиром и Ладой, Волибором и Владимиром, но этот пострел своей подвижностью в материнском чреве даст фору всем четверым!

Она остановилась.

Нет, лишь троим.

Грусть печаль сковала душу княжны, когда воспоминания об утерянном семени коснулись материнского сердца. Владимир, третий сын убитый двумя лиходеями сразу после рож-

дения, чуть не стал той пропастью, которая разрушив августейший брак, ввергла бы Аппелагею в пучину отчаянья и бездонной тоски. Однако муж, горевавший не меньше её самой, проявил настолько сильную волю и окружил Аппелагею такой всепоглощающей любовью и терпением, что княжна, со временем, всё же приняла это испытание от старых богов и стала жить дальше с любимым человеком. Но сейчас и в эту самую минуту горе вновь, словно это произошло лишь вчера, всколыхнуло материнское естество, а сопровождавший Аппелагею командир велизарной сотни Сарион, напрягся.

– Моя госпожа с Вами всё в порядке? – спросил он, почувствовав перемену в недавно умиротворённом настроении, монаршей особы.

– Да Сарион, все хорошо. Это не плотская боль, а душевная.

Озадаченный сотник, поклонился и, отправив повитуху готовить отвар, остался с княжной наедине.

Сарион преданный друг Словичей и далеко не дурак, к тому же являясь велизарным воином-магом, он проявлял не только чуткость, достаточно редкое качество для воинов, но и сопереживание. Она догадывалась, что за маской преданности и юмора, кроется нечто большее и Сарион искренне любит Словичей как свою собственную семью. Впрочем, нужно отдать должное этому вояке, даже если отбросить его, мягко говоря, пёстрое прошлое в качестве кудесника по имени Аронис, ведь будучи лишь деревенским драчуном, то Сарион без посторонней помощи смог взрастить в себе велизарность и по праву заслужить пост главы элитного подразделения словян – главы «Велизарной сотни». А это, скажу я вам, уже другой уровень мастерства и силы, чем у светочей или адептов Чудо-камня, недаром муж назначил его своим личным телохранителем. Супруг разглядел в юном воине-маге, только-только давшем обет Чудо-камню «Служить, мечем, а не магией», силу не адепта, но могучего волшебника и верного друга, теперь Сариону вверялось самое ценное, что есть у князя, ему доверялась семья.

Аппелагея пристально взглянула на велизарного, тот мялся, собираясь потолковать на неудобные темы, пришлось ободряюще улыбнуться, и словно почувствовав её расположение к тайной беседе, Сарион решился и тихо спросил:

– Вы опять вспомнили о Владимире?

Да, велизарный сотник всегда бьёт в самую суть, от него не скроешь смятение и муки, но с кем тогда разговаривать как не с другом? Муж далеко, и прибудет лишь к рассвету, а более она никому, кроме верховного старца Светозара, разумеется, не собирается изливать душу, в данный момент во всяком случае.

– Как о таком горе можно забыть? – с болью в голосе ответила Аппелагея. – Потерять сына это тяжелая ноша, коя останется с тобою до конца дней.

Велизарный предпочёл промолчать, чтоб не развивать далее эту тему, что в принципе было на него не похоже, но она все же продолжала помнить.

Старые поверья гласят:

– «Второй сын второй двойни рожден с чёрным сердцем будет, зло и порок укореняться в нём, лишь свет Чудо-камня спасти отрока сможет от судьбы горькой и лиха», – княжна не питала доверия ко всем этим древним и чуждым ей сказкам, тем не менее муж верил, и этого, как оказалось, было достаточно. Посему, Святослав приказал отправить своего третьего сына к старцам на развитие, и ей пришлось подчиниться. Чародеи намеривались магией да добрым словом воспитать сына честным и порядочным мужем земли словянской, согласно древним законам, но человек предполагает, а судьба располагает. В ту темную и дождливую ночь, когда Владимир был рожден, что-то пошло не так. Сын погиб, как и трое воинов его защищавших, а у Сариона остался ожог на правой руке, оставленный тёмным пламенем, что вырвалось из открывшегося тогда портала.

Вот не думали не гадали, а древняя магия все ещё ходит по земле, как ходят и те, кто ею владеет, иначе про межпространственные порталы просто бы забыли, и до того дня это было именно так. Но гром грянул многих застав врасплох.

«Нет», – остановила себя Аппелагея, маги, как и военные все делали правильно. Охрана просто не ожидала проникновения тёмного зла через неподвластные ныне живущим червоточины. И произошло это в самое сердце цитадели Словичей, в сверхзащищённый княжий терем. К тому же, во многом, внезапность предредила удачный исход нападения, да ещё и сразу с двух сторон.

– Вы нашли того, кто открыл портал? – спросила она велизарного, тот отрицательно покачал головой. – А второго? Того, кто спрыгнул с балкона?

– Мы занимаемся этим, – ответил Сарион. – После того как Вы родите, я лично возглавлю расследование.

Княжна, удовлетворенная тем, что к поискам убийцы сына подключится самый компетентный в этом деле маг, успокоилась и медленно двинулась дальше.

Волшебство, открывающее межпространственные двери, забыто людьми давным-давно. Раньше, в незапамятные времена, ими пользовались для путешествий и в быту, но теперь, древнее знание безвозвратно утрачено. Даже могучие чародеи великанов, живущие в далёкой Гиперборее, не владеют им.

Но кто-то обладает?

Это понимание многократно усиливало беспокойство в цитадели магии на Чудо-камне, и не только там, ведь противопоставить такому могуществу было нечего.

Малыш снова дал о себе знать, Аппелагея прогнала тягостные воспоминания, решив сконцентрироваться на том, как назвать четвёртого сына.

Муж предлагал Велиславом, в честь своего прадедушки, основавшего Лукоморье, а Матушка, бывшая царица Вязи, желала знать внука как Викторiana, но сама Аппелагея думала иначе.

Есть определённый порядок предложений имён, как в родне новорождённого, так и в высших сановников к ней приближённых, согласно которому, каждый по очереди, и согласно рангу, предлагает имя юному княжичу или княжне. Если Градимира назвал муж, считая, что «Строитель мира» как раз подходит наследнику государства, то Ладу окрестила матушка Коппея. Волибору дал имя брат мужа Святополк, а Владимиру верховный старец Светозар. Наконец, настала её очередь, и она это сделает лично, так, как душа повелит. А вот если у них будут ещё дети, то после княжны право назвать отрока принадлежит её сестре Ольге, а за той, главному воеводе Даниле Большерукому. Далее в шахматном порядке шли более дальние родственники со стороны мужа и из её рода, но так далеко Аппелагея не загадывала.

Сама княжна ещё никого не называла и не становилась со-матерью. У сестры два сына, Твердислав, названный отцом и Ярополк, имя которому дал Святослав, и если появится третий, то право назвать принадлежит матушке, а затем, как и в её собственном случае.

Однако в памяти отпечтался один разговор, состоявшийся семнадцать лет тому назад, шуточный, конечно, но отчего запавший в душу. Тогда матушка была крайне разгневана действиями светлейшего князя относительно слишком скорой культурной ассимиляцией Вязи Ярилгородом. Поэтому наплевав на, чуждые ей, словянские правила, да подчиняясь древним законам Фемискиры, сказала им сестрой:

– Ежели старые боги позволяют мне выносить дитя, то дать имя, последнему, рождённому в Фемискире, позволяю вам, мои доченьки.

Имя мальчику предложила сама Аппелагея, а девочке младшая сестра. Ольга со всей серьёзностью подошла вопросу, и после долгого раздумья выдала – Кассиопея. Аппелагея же напротив, считая разговор шуточным, ибо ухажеров около матушки не наблюдалось, да и возраст не тот, выпалила первое, что в голову взбрело:

– Пусть будет Фома. – Ха! – «Вот же придумала, не могла быть посерьёзней!»

А если и вправду матушка решит связать жизнь с благородным мужем, и тогда будет их первенец Фомкой.

Княжна улыбнулась.

Медленно прогуливаясь, Аппелагея вышла из размышлений и огляделась. Обоз, расположившийся на половину версты в одну и другую стороны, готовился ко сну, звери лесные мирно бродили в чаще, опасаясь приближаться к людям. Лишь птицы, дружной гурьбой, охотились за крошками, оставленными на походных столах, уставшими воинами. Кстати сказать, собрали обоз с единственной целью – сопроводить Аппелагею в Ромашковую слободу, где ждут лучшие лекари и повитухи всех людских земель. Муж обещался прибыть туда же через три дня, после того как закончил дела в союзной Вязи, уж как неделю тому назад, тепереча её возлюбленный со всех ног спешил навстречу.

Вязь – родной город.

Аппелагея закрыла глаза и с поразительной точностью вспомнила высокие шпили имперского дворца Фурий, пронзающие облака. Вокруг расположились дивные сады Амазонии, высаженные по периметру цитадели, окруженной стеной, в самом сердце древнего города. Лишь там можно было полюбоваться посаженными гиперборейцами огромными, чудными деревьями, не уступающим высотой дворцовским шпилям. Далее располагались многоэтажные каменные дома и высотные строения старого города, а за ними, находился древнейший в истории человечества храм – Голубой Молнии, одиноко стоящий с северной стороны юного города, возле неприступных внешних стен.

Тридцать четыре года прошло с того момента, как Аппелагея отказавшись от титула правителя и царицы, стала женой, тогда ещё молодого, князя словянских земель. Хотя, встречу с будущим мужем, вряд ли можно назвать любовью с первого взгляда, но что случилось, то случилось и как ей думалось, произошло это именно так, не без помощи старых богов.

Будучи Фурией, представителем клана элитных воительниц Вязи, да ещё и в самом расцвете сил, Аппелагея любила охотиться в рубежных с Ярилгородским княжеством землях. Леса там чудные, да дичью богатые. Иногда она встречалась с разъездами словян, и не всегда подобные встречи проходили мирно, тем не менее, окончание подобных встреч всенепременно было в её пользу. Хоть словяне и славные воины, лишь единицы из них могут противостоять обученной фурии, а одолеть, способен лишь один на миллион. И это правило работает с рядовой воительницей, однако Аппелагея была сильнейшей воительницей Вязи за все времена!

Поэтому, ничего не подозревая о воле старых богов, – Аппелагея столкнулась с незнакомым охотником, один на один в глухом лесу. По обыкновению, будущая княжна решила нарваться на хороший бой, тем паче повод имелся. Её стрела, как и стрела незнакомца, попали точно в одну и ту же цель, разумеется, спор за добычу привёл к конфликту.

В то время Святослав только-только принял бразды правления от скоропостижно скончавшегося отца, поэтому, будучи убит горем, желал выпустить пар. Встреченная на охоте фемискирская фурия, как раз подходила. Когда поединок закончился, и обезоруживший, непобедимую царицу Вязи, неизвестный молодой воин грозно возвышался, держа оружие наготове, подскакала охрана. Десять тяжеловооруженных амазонок окружили, лежащую на спине, Аппелагею и словянина в простой коже. Каково же было их удивление, когда они узрели эту картину. А когда около Святослава материализовался юный велизарный, чуть не началась сеча...

Аппелагея улыбнулась.

– Да я помню тот момент, – сказал, идущий рядом, Сарион. – Амазонки всполошились не на шутку.

– Опять читаешь мои мысли? – спросила княжна.

Велизарный пожал плечами и вежливо ответил.

– Ваши эмоциональные образы очень сильны, от беременности полагаю. С каждым днем мне все сложнее укрывать Ваши мысли от стороннего взора.

Княжна с благодарностью и укором воззрилась на телохранителя, как она помнила, велизарный сотник единственный кто был в тот день с её мужем, и один был готов насмерть защищать своего друга. Лицо воина чуть тронул румянец смущения.

– Я обязан это делать госпожа. Вы же знаете.

– Да знаю, – шутливо отмахнулась Аппелагея, и они вновь двинулись дальше. – Почему ты не сказал тогда, кем являлся мой нареченный?

– Как-то было не до этого, – попытался отшутиться Сарион, – нас окружили десять воительниц в полной броне, если вы помните. Если честно, я думал, как утащить светлейшего от разъяренных валькирий живым и здоровым, а не как представиться по всем правилам этикета.

– Прекрати, – толкнула его княжна, весело смеясь от нахлынувших воспоминаний. – Убегать! Неподобающий поступок для велизарного!

– Если серьёзно, то я хотел узнать, готова ли царица амазонок чтить свои традиции и выйти замуж за победившего её воина, – как не в чем ни бывало, ответил он.

– А ты хитрый лис Сарион, – усмехнулась Аппелагея. – Поставил на кон соблюдение традиций, с одной стороны, и честь воина с другой?

– Не понимаю, о чем Вы? – схитрил маг.

– Ой, ну как же! – уже во всеуслышание засмеялась княжна. – Святослав был вынужден либо жениться на поверженной собственной рукой Фурии, либо убить. Таков закон! – маг безмолвствовал. – Правильно молчишь и не говоришь о праве ночи. Муж никогда бы им не воспользовался!

Будучи царицей, Аппелагея всегда и везде рьяно поддерживала этот стародавний обычай, и чтילה его лично, но представить себе не могла, что однажды сама окажется на месте поверженной, а закон, собственно говоря, устанавливал право победителя взыскать с побежденной фурии сладострастную ночь, либо её жизнь. Глупые выбирали смерть, умные поднимались и тренировались ещё усерднее, чтоб более ни один муж не мог их одолеть. Иногда, проведенная ночь с мужчиной заканчивалась беременностью, и тогда, воительница снимала свой чёрный акинак, становясь простой амазонкой, или того хуже, мужней девой, но чаще всего фурию более никто не побеждал. То был хороший урок в прилежности к военному делу.

– А если бы на его месте был другой? И он решил бы выбрать сладострастную ночь? – с опаской произнес Сарион и, прочтя мысли Аппелагеи, сам же ответил. – Неужели Вы бы покончили с собой?

– Я не была глупой, да и трусливой меня никто не называл, но я, на тот момент, являлась царицей великой империи. Непорочной, не побежденной, – княжна вновь погладила живот, когда малыш начал сильно беспокоиться. – В тот миг, когда мои амазонки окружили вас и обнажили мечи, я поняла, выхода у меня нет. Кинжал в налокотнике при мне и всегда остер, я собиралась было потянуться к нему, однако, Святослав поступил иначе.

– Да я помню, – прервал Аппелагею велизарный, – светлейший преклонил перед побежденной колено, и назвал своей. Похоже, он ошеломил Вас тогда?

– Ещё бы! – воскликнула княжна. – В один миг мне дали, так сказать, сохранить лицо, но взамен, потребовали всю меня без остатка! Законы богов сильнее, чем законы людей, даже чем старейшие и мудрейшие из них. В тот миг я уже не имела права распоряжаться своей жизнью, потому-как не могла отвергнуть то благородство, преклонившее передо мной колено.

Они, какое-то время, продолжили идти молча, пока княжна не заговорила вновь:

– Я никогда тебя не спрашивала об этом, – осторожно начала она, – но ты случаем не читал мыслей моего мужа в тот момент?

Велизарный утвердительно кивнул.

– Это было так же сложно, как и не видеть Ваши сейчас. Представьте себе, если перед человеком со стопроцентным слухом вдруг взорвется вулкан, думаете, он его не услышит? Нечто подобное было и в душе светлейшего в тот миг.

– Забавное сравнение, однако... – Аппелагея немного замешкалась, она всеми силами старалась остановить своё любопытство, но все же девичья природа взяла верх, к тому же она беременна, а это пропустительно при чрезмерном интересе. – Однако мне важно знать о его чувствах на тот момент, расскажи, пожалуйста.

– Странно, что светлейший сам Вам все не рассказал! – удивился велизарный.

– Мой муж благородный человек, и по прошествии лет я не сомневаюсь в его любви, все же мне интересно, что значило для словянского князя, победителя Ариев и грозе Пхазар, преклонить колено перед Фемискирской царицей?

– Вообще-то, светлейший не знал, что одолел Аппелагею-Дивно-Поле, владычицу Вязи, и царицу древней Фемискиры, – ответил маг. – А вот чувствовал князь, скорее облегчение. Да и радость, я думаю. Вообще, ему претила та мысль, что в память об отце, придётся жениться по ранее достигнутому договору. Как вы помните, его заключили ваша матушка, царица Коппея и князь Владимир, отец светлейшего, и по договору первенец Словича должен был жениться на Первенке Вязича, то есть на Вас, – владычице Вязи.

Княжна сильно удивилась.

– Это как?

– Святослав был не согласен с отцом и имел собственное видение внешней политики. Он считал, что объединение Ярилгорода и Вязи, должно произойти посредством союза младшего брата Святополка и вашей сестры Ольги – Тишь – Травы. Причем не одномоментно, как это свершилось при вашем августейшем браке, а постепенно, с взаимной поэтапной культурной ассимиляцией, тогда бы не произошли, хорошо вам известные, трения между светлейшим и вашей матушкой, собственно говоря которые он только что окончательно уладил. Тем не менее, вышло, как вышло. Князь никогда не искал брака с вязийской царицей, но принял дар богов, в виде поверженной безымянной воительницы, тем более побежденная, ничем не отличалась от других, окруживших нас амазонок. Лишь чёрный акинак выдавал фурианскую стезю хозяйки. – Сарион усмехнулся и задал встречный вопрос. – А что чувствовали Вы?

– Шок, я полагаю, – княжна поправила упавшую на лоб прядь волос. – Быть поверженной незнакомцем, да ещё и стать ему женой. Да я была в шоке, – она вновь погладила не на шутку обеспокоенного малыша. – Все же быть живой лучше, да и стать супругой достойного тебя это несколько сгладило мою гордыню, до момента, пока он не назвал себя, когда же это произошло, я... А-А-А! – внезапная всепоглощающая боль, пронзила тело, заставив застыть на месте. Малыш брыкнулся так, что Аппелагея согнулась пополам, и чуть было не упала навзничь, в судороге пытаясь выпрямиться, но Сарион вовремя подхватил её.

– Отвар! – крикнул велизарный, стоящим в карауле витязям. – Сюда! Немедля!

Беседуя, они отделились от головы обоза на добрых десять сотен шагов, посему, повитухе требовалось не менее пяти минут, чтобы добежать до княжны. Однако, услышав зов, один из караульных, вскочил на коня и помчался в середину обоза, где располагался шатер с приготовленным отваром.

– А-а-а! – ещё один приступ сковал Аппелагею, не в силах более держаться на дрожащих ногах, она села на холодный камень северного тракта. – Ребенок! – проговорила княжна в муках. – Время пришло...

Вдалеке начавшаяся суета говорила о скорой доставке обезболивающего отвара, воины, что были рядом, волокли караульную палатку с коврами, дабы укрыть роды, а Сарион, бережно уложил княжну себе на колени, пытаясь отвлечь.

– Крепись, – нежно говорил велизарный, глядя княжну по голове. – Отвар скоро доставят.

Тем не менее, боль стала невыносимой, и Аппелагея мысленно взмолилась, чтоб велизарный пришёл на выручку магией.

– Я не стану, – ответил Сарион. – Ты знаешь, это может повредить ребенку!

Аппелагея закивала, схватив его за рукав.

– Поклянись, – выдавила она из себя. – Поклянись мне! Дай слово! Чтобы не случилось, ребенок должен выжить! – разум княжны помутился, каждое слово давалось ей в муках, лишь радость от скорой встречи с четвертым сыном грела душу и давала силы терпеть боль.

– Клянусь, – словно вдалеке слышала она голос Сариона. – Я всегда буду рядом с твоим мальчиком.

Верховный старец предсказал Аппелагее, что во-чреве растёт воин небывалой силы, и роды станут очень тяжелыми. Единственно кто мог хоть как-то облегчить их, были Ромашки, древний орден, занимающийся врачеванием и спасением людей, посему, княжна спешила к ним как могла, но все-таки не успела.

Маг поднял Аппелагею, чтоб витязи расстелили ковер. Бережно положив её на мягкий ворс, чародей превратил свой огнестойкий плащ в подушку и подложил под голову.

– Вот так, – ласково сказал Сарион. – Терпи, помощь уже близко.

Приступы боли накатывали один за другим, Аппелагея покрылась холодным потом. Схватив за руку, маг пытался успокоить и поддержать роженицу добро глядя ей в глаза, однако, наполненный ужасом взгляд княжны был направлен куда-то ему за спину.

Сарион обернулся.

Пространство, разделявшее их и обоз, потемнело, воздух наполнился смрадом, а сидевшие на близстоящих деревьях птицы попадали наземь мертвыми. Пятеро витязей выхватили мечи, встав между княжной и мраком.

Портал открылся в десяти метрах, преграждая путь всаднику, несущему отвар. Витязь не успел свернуть и попал в зону искажения, что была по всему периметру меж пространственной двери. В мгновение ока человек с конем превратились в прах.

– К бою! – вскричал Сарион, усилив голос рокотом сирен.

Округа пришла в движение.

Воины хватали пики, а витязи мечи.

Другие велизарные намеревались стрелой метнуться на защиту своей госпожи, но портал полностью блокировал светлую магию позади себя, поэтому им, как и всем остальным, пришлось со всех ног мчаться в голову обоза.

Сарион, наученный горьким опытом, сразу выставил магический щит, ожидая выхода тёмного пламени из червоточины, но неудержимая мука княжны отвлекла его, пришлось прочитать заклинание «Титановой воли», чтоб хоть как-то помочь Аппелагее обуздать боль, ибо отошедшие воды окрасились алой кровью.

Дыхание роженицы нормализовалось. Вцепившись Сариону в рукав, княжна с ужасом смотрела на древнюю магию.

Мгновения ожидания растянулось, казалось, прошла целая минута, а не три удара сердца.

Меж тем, пять храбрых воинов сомкнули щиты, закрыв Аппелагею от неизбежности. Вдруг ослепительная вспышка озарила округу, воины пали наземь, закрывая глаза руками, а из портала, вместо тёмного пламени, показалась башка подземного змея.

Пока, под действием лечебной магии велизарного, к людям возвращалось зрение, тварь с опаской принюхалась, не желая вылезать из двери полностью. Затем, найдя желаемое, Аппелагею, она просунула голову сквозь щит, не предназначенный для сдерживания физических тел и, разинув пасть, выпустила струю жидкого огня.

Подземная магия коснулась ослепленных княжьих защитников.

Сарион, не закончив лечебное заклинание, выставил второй купол, более мощный, однако, было уже поздно. Пять статуй из праха осели на камень дороги, а подземная тварь, тем временем, полностью вылезла из портала и направилась к нему, сминая защиту. Межпространственная дверь разрослась ещё больше, полностью отрезав велизарного и княжну от приближающейся подмоги.

Магический щит под тяжестью и напором огромной подземной твари проседал да сжимался.

«Похоже, нас вот-вот просто задавят массой и сожрут!» – догадался Сарион.

Выхода не было.

Внезапно, Аппелагея сильно дернула его за руку.

– Сними боль! – процедила она сквозь зубы. – Я приказываю!

Маг заметался, с одной стороны, княжна сможет двигаться и, отойдя в сторону, даст ему возможность схватиться с исчадием один на один, с другой, никто не знает, как повлияет магия на ребёнка. Альтернатива же была удручающей, точнее, её не было вовсе и, проведя рукой по животу Аппелагеи, велизарный сотворил самое быстрое, что можно было сделать в сложившейся обстановке, он полностью убил в ней боль.

Жаркое дыхание змея уже спалило палатку и подбиралось всё ближе, как вдруг, в виртуозном прыжке, княжна вновь оказалась на ногах. Схватив один из мечей павших витязей, фурия скользнула под шею слепого чудища, пока тот вдыхал воздух верхнего мира, чтоб вновь выпустить подземное пламя.

Велизарный убрал купол и запел, древнее как сама жизнь слово разнеслось по округе. С каждой нотой магического резонанса, портал ослабевал и отступал, а змей, услышав велизарную песнь, всецело увлекся чародеем.

Отвлечь тварь от фурии, пока та искала слабые места в защите, было единственным выходом, к тому же следовало обязательно контролировать и сам портал, чтоб ненароком не пропустить из него еще кого-то вроде змея. Для этого требовались огромные магические усилия, практически всё, чем располагал Сарион.

Время замедлилось, Аппелагея судорожно осматривала змея снизу, а острые зубы исчадия клацали возле лица сотника, не в силах подобраться ближе, так как велизарный магией сковал огнедышащую тварь и не подпускал к себе.

С начала челюсти нависали сверху, потом перед ним, ибо маг с помощью чудодейственной силы начал отодвигать подземную тушу от себя. Но, когда они оказались лицом к морде, тварь попыталась сразить Сариона острым шипом, что был на кончике хвоста, однако промахнулась и, вытянув шею максимально вперёд, опустила башку на расстояние вытянутой руки от земли.

Княжна ждала именно этого момента.

Самое слабое место у змея, для меча, не смазанного заклинаниями, было там, где нижняя челюсть переходила в шею. Именно здесь полностью отсутствовала кольчужья чешуя, лишь толстая змеиная кожа, да выпирающая артерия.

Не мешкая ни секунды, Аппелагея нанесла удар.

Меч, разрезав кожу, застрял в шейном позвонке, перерубив кровоток.

Отрубить башку сил не хватило.

Чёрная кровь, обжигающим потоком, хлынула из раны, но княжна даже не вскрикнула, Аппелагея все ещё попыталась вытащить застрявшее оружие.

Змей взбрыкнул.

Смазанная чёрной кровью рукоять, предательски выскользнула из рук.

Аппелагея остановилась, не в силах понять, что происходит. Похоже, с последним ударом вышла вся ещё мощь, однако, и скорей всего, это кровь змея, омывшая её с головы до ног, просто забирала жизнь.

Змей бушевал над ней.

Не замечая этого, Аппелагея осмотрела себя.

По телу пошли жуткие волдыри там, где огненная кровь коснулась кирасы, а на открытых местах рук и плечах кожа оголила плоть, превратившись в пепел.

«Как я ещё жива?» – подумала она. – «Похоже, я перестала что-либо чувствовать?!»

Сгоревшими руками Аппелагея прикоснулась к животу и вытерла обжигающую драконью кровь.

Малыш притих.

«Не-е-ет!» – в ужасе закричала она, и тут он отозвался.

Пока Сарион пел, исчадие издало истошный вой, продолжая мотать башкой, извлекая из себя убивающую сталь. В это время княжна, вместо того чтоб бежать в сторону, неподвижно стояла под ним, омываемая чёрной кровью и держалась за живот. Змей, наконец-то избавившись от меча, нащупал передней лапой обидчицу и схватил Аппелагею, прижав к земле.

Аппелагея пытаясь защитить живот, повернулась набок, свернувшись калачиком, полностью прекратив сопротивление, а зверюга жаждал раздавить и разорвать когтями неуступчивую фурию.

Видя это, велизарный умолк.

Сарион стрелой подскочил к змею, отрубив сначала лапу, высвободив княжну, а затем обезглавил чудище окончательно, отбросив в сторону, бьющуюся в агонии плоть.

Портал тут же закрылся.

Одни Воины окружили велизарного, с княжной на руках, другие добивали издыхающую подземную тварь.

Сарион склонился над своей госпожой.

Ужас охватил доселе храброе сердце.

Аппелагея сгорела.

Часть черепа обуглилась и оголилась там, где когда-то была её длинная княжеская коса, одна глазница опустела. Око просто выгорело, правое предплечье совсем чёрное, словно сгоревшие угли, но вот её живот! Он все ещё шевелился!

Маг нежно убрал обгорелую руку и узрел разорванное чрево.

В нитях, некогда связывающих с матерью, лежал алый светловолосый младенец.

Сарион вытащил мальчика на свет.

Малыш молчал.

Лишь судорожное дыхание говорило о том, что жизнь пока не оставила это новорождённое дитя.

Руки велизарного обжигала тёмная субстанция, огненная кровь, однако, алая кожа Словича впитывала её словно губка.

«Этого не может быть! – мысленно воскликнул чародей. – Человек не может впитать чёрную кровь, лишь колдунам да Грот-магам это подвластно!»

Сообразив, что происходит, Сарион омыл младенца от подземной крови велизарностью, прочтя лечебное заклинание. Понемногу, кожа новорожденного начала становится розовой, а волосы вернули смоль своих родителей. Возрадовавшись тем, что хоть юного Словича удалось спасти, чародей облегчённо вздохнул.

– Ты будешь жить! – сказал он, казалось-бы сам для себя, дабы хоть немного уменьшить боль от потери близкого друга.

Но тут взгляд упал на Аппелагею и Сарион замер в изумлении.

Княжна жива!

Она всё ещё дышала!

Не веря своим глазам, велизарный вдохнул в Аппелагею все оставшиеся магические силы, жертвуя собой, но чары вернулись.

Истерзанное тело более им не подвластно.

Раздираемый душевными муками, и осозная своё бессилие Сарион, заплакал, а Аппелагея-Дивно-Поле не обращая внимание на безуспешные потуги чародея сохранить ей жизнь, нежно смотрела единственной глазницей на собственное дитя, и улыбалась от счастья сгоревшими губами.

По чёрной, обугленной щеке побежала слеза, тут же испарившись от жара сгоревшей плоти, и в этот миг, Сарион с болью в сердце осознал одну простую истину. Дело не в нём, и не в его ослабевших от сдерживания портала способностях. Дело в том, что даже всем чародеям мира, вместе взятым, не под силу спасти настолько сгоревшего человека. Но кое-что было в его власти, кое-что, самое последнее, Сарион, всё же, был в силах сделать для княжны.

Маг повернул мальчика лицом.

– Ты будешь помнить! Ты будешь помнить её! Смотри Слович, вот твоя мама!

Велизарный послал в сознание новорожденного образ Аппелагеи такой, какой она была ещё несколько минут назад.

– Олег, – нежно сказала счастливая мать, не в силах прикоснуться к своей кровиночке. – Его имя Олег! – и в этот момент, когда последний вздох могучей воительницы вышел, княжич издал своё первое громогласное:

-Уа-а-а!

ЯРИЛГОРОД – СТОЛИЦА ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ СЛОВИЧЕЙ

Стоя у окна, Святослав нежно сжимал в руке оберег суженной. Титан с одной стороны оплавился. Он, потеряв это место, стряхивая окалину, и в лучах восходящего солнца металл засиял вновь.

Аппелагея мертва.

Любовь, коей Святослав отдал всего себя, сейчас лежит в усыпальнице, сгоревшая до неузнаваемости. Боль, пронзившая душу, не давала думать о чем-то ещё, и князь со всей силой сжал кулак.

«Они ответят за это!

Как же медленно я стану срезать кожу с твари, которая управляла подземным змеем! С каким наслаждением я буду переламывать ему кости одну за другой, пока от целых не останется и следа, но это не все. Я заставлю магов исцелить душегуба и тогда, вновь стану рвать на куски, и так до бесконечности!»...

Пока горе в душе овдовевшего мужа, не получит окончательное отмщение.

«Аппелагеюшка. Любовь моя, как же мне жить теперь без тебя! Как мне вырастить того, кто выжил в адской крови, спалившей тебя без остатка? Возможно, ему не следовало вступать в этот мир, возможно, он и не человек вовсе, да и сын ли вообще?» – мысли Святослава проносились в голове словно табун.

Находившийся поблизости верховный старец Чудо-камня Светозар, не меньше скорбевший по Аппелагеи, кою любил, словно родную дочь, потерял терпение и твёрдо произнёс.

– Ты нужен своему сыну Святослав! Ему уже полдня отроду, а княжич ещё не обрел связи с отцом.

Словянский князь, снедаемый горем от потери возлюбленной, невидящим взором уставился на старца.

«Похоже, старик более не в силах читать мои мысли, раз прервал ритуал скорби».

– Это подождет, – отмахнулся Святослав. – Не стоит меня тревожить сейчас.

– Нет! – схватил его за локоть старец и развернул к себе лицом. – Сарион держит княжича на руках с момента вхождения в этот мир!

Светозар указал он на стоящего у дверей велизарного, с новорождённым на руках.

– Следующим взять на руки должна его плоть и кровь! Только тогда ты обретишь связь с сыном!

Князь печально опустил глаза.

– Я не могу к нему прикоснуться. Ты знаешь...

– Ты должен! Он плоть от плоти твоей! – вскрикнул Светозар.

– В нем зло! – вскипел князь, грозно воззрившись на старца. – Не будь им беременной, Аппелагея на раз разделалась бы подземной тварью!

– Хочешь сказать, что ты не примешь дар богов! Да мать до последнего вздоха защищала сына, раздираемая когтями змея!

– Тебе не переубедить меня старик! – громыхал в ярости князь. – Унесите его прочь, ему не место в нашем мире!

Старец тяжело вздохнул. Святослава не переубедить, он понял это и отступил.

Однако, Сарион не собирался оставлять малыша одного, на волю случая и обезумевшего от горя родного отца.

– Тогда убей его сам, – начал блефовать Сарион. – Собственной рукой! – и с этими словами, протянул князю маленький сверток с младенцем.

«Боги не допустят крови».

Святослав принял сына.

Тяжёлое дыхание начало учащаться.

«Он не посмеет», – мысленно воскликнул Сарион, предчувствуя страшное.

Лицо князя исказила гримаса отвращения и жгучей ненависти.

«Или посмеет?!?!»

Сарион рванул к малышу, но ни на миллиметр не сдвинулся с места. Могучий старец связал магией велизарного по рукам и ногам.

«На то воля богов», – послышались в голове слова Светозара. – «Мы не вправе вмешиваться».

Сердце Сариона разрывалась, но даже словами образумить обезумевшего от горя князя он не смог. Старец сковал гортань.

Святослав выхватил кинжал, и занёс руку для удара.

Но внезапно, ставни сами собой открылись нараспашку, и ворвавшийся в терем порыв ветра, открыл лицо младенца, откинув угол пелёнки.

Глаза отца и сына впервые встретились.

Словно удар молнии – взгляд сына обездвижил отца.

Словно сама Аппелагея схватила руку Святослава, сжимающую кинжал, не дав тому свершить страшное. В ту же секунду, безмерное счастье, исходившее от этих дивных голубых глаз родного дитя, заполнило собою пустоту, что снедала сердце от потери любимой.

Гнев Святослава потух также быстро, как и вырос. Аппелагеюшка смотрела на него через очи сына.

– Нгууу, – улыбнулся младенец.

Тут сердце отца растаяло окончательно, кинжал выпал из руки, и Святослав нежно заключил сына в объятия.

– Олег его имя, – сказал Сарион. – Таковы были последние слова Аппелагеи.

Уже не в силах сдержать слезы, счастливый отец утонул в голубых глазах сына.

– Олег Слович, – нежно произнес Святослав, – а у тебя очи матушки. – От теплых слов княжич залился журчащим смехом. – Вижу, ты знал это, мой сын! – нежно залепетал князь,

и тут до августейшего папаши дошло. – Если Олег родился вчера вечером, то уже голоден! Рассвет на дворе! Как же мы...

– Что-нибудь придумаем, – ободряюще прервал его старец. – Как всегда. Что-нибудь придумаем...

Тёмный бор

Гладкая, матово-чёрная плита, лежащая в самом центре капища, поглощала солнечные лучи, изредка пробивающиеся сквозь кроны деревьев Тёмного бора. Четверо упырей, кряхтя, тащили к ней скованного по рукам и ногам великана. Гигантский чародей продолжал быть в сознании. Он был в сознании даже тогда, когда один из адептов пленил гиперборейца и протаскил сквозь древнюю грань, пересечь которую смертному было не-под-силу. Даже когда упыри нещадно били его до изнеможения, даже когда адепт, в нарушении приказа, принялся им питаться, разрывая своими чёрными клыками живую плоть, даже тогда маг великан не прекращал попытки вырваться и покарать лиходеёв.

Но всё тщетно.

Теперь же гипербореец нужен для ритуала рождения. Когда это произойдет, и великан отдаст всю свою велизарность, ему, Древнейшему бессмертному, станет очень сложно скрывать принятую сторону, ибо бессмертие подвластно лишь тем, кто соблюдает нейтралитет между жизнью и смертью.

Но есть лазейка.

Так он, во всяком случае, надеялся. Ведь Древнейший считал, что если перейти на сторону зла, но не смерти, то бессмертие не покинет его тело, хотя бы часть да останется.

Именно на это и был весь расчёт.

Изначальный уже вынул своё сердце, спрятав под колыбелью магии, а в груди теперь бьётся холодный камень. Древнейший уже распределил своё бессмертие меж адептами, и теперь их тени, скрывают от тлена.

Все готово для верховенства сильнейшего Грот-мага в этом мире.

Пурпурный народ полностью им совращён и превратился в послушных упырей. Те из них кто истлел за многие тысячелетия, будут не нужны, он вырастит много других, благо материала в достатке.

Теперь нужно нечто новое.

Адепты столкнулись с очередной трудностью, тут под светом солнца. Как оказалось, големы, новое оружие подземного мира, не могут жить в лучах Ярила.

Но и это поправимо.

Хоть каменных воинов сложно вырастить, и их будет немного, к ним в помощь Древнейший надеялся заполучить нечто большее, он хотел огонь, парящий в небесах, и много, столько сколько нужно.

Но если не выйдет, то будет печально. Не смертельно, но печально. Это отсрочит планы, на какие-то пару сотен лет, но не более, итог все одно будет именно таким, каким запланировал он.

И вот спустя сотню лет непрерывного метания между верхним и нижним миром, а также пробудив от сна посеянные ранее семена, в колыбели магии, вокруг плиты собрались все семнадцать адептов.

«Нет. Шестнадцать» – подумал он. «Одного убил первый меч словян, некий Саргон, запустив сквозь портал кинжал, восемнадцать лет тому назад», – хотя для Древнейшего это было словно вчера.

Перед каждым адептом лежало яйцо подземного змея, и содержимое желало вот-вот войти в этот мир, лишь чары не давали тварям вырваться раньше времени. Могучий грот-маг всех времён в последний раз парил над капищем, стоя на нитях своей бессмертной энергети-

ческой сущности и указывал упырям, как расположить жертву. Те, выполнив его волю, поклонились и ретировались в чашу, а адепты, встав на одно колено, подняли правые руки вверх ладонью, в знак признания Древнейшего своим повелителем.

«Ну что ж, начнем», – подумал изначальный, начав переход своей энергетической сущности в трёхмерное пространство и сразу почувствовал, как нити, соединяющие его с бессмертием и позволяющие парить, начали рваться. Сотворённое ранее, на заре времён, трёхмерное тело медленно опустилось перед плитой, а с ним и вся сущность Древнейшего. «Взором» он проверил связь с всеобъемлемой бесконечностью и узрел последнюю нить, та все ещё связывала повелителя подземного мира с былой и всеильной сущностью.

«Да возможностей поубавится», – усмехнулся Древнейший, однако тень, как он и рассчитывал, продолжала укрывать.

Он вытащил из полога плаща огромное черное яйцо с ярко-жёлтой линией. По внимательно за ним наблюдавшим адептам прошла волна беспокойства. Вместо кладки змея, Древнейший взял яйцо жар-птицы, обогрённое тёмной кровью.

Ропот усилился и немудрено, ещё никто со времён сотворения мира не колдовал над чудо-птицами, ибо в них таилась настолько мощная первородная магия жизни, что любое вмешательство тёмных сил могло для Гротов закончиться фатально, причём для всех без исключения.

Древнейший поднял руку, успокаивая молодую поросль, прекратив брожение и, начал ритуал. Висящий на поясе нож ожил. Подлетев к жертве, клинок впился в плоть великана, под последним ребром, сделав надрез, высвобождая голубой свет магии и пуская кровь. Яйцо жар-птицы, словно почувствовав приближающийся миг рождения, взмыло вверх из черных рук Грот-мага и, зависнув над жертвой, начало впитывать в себя жизнь гиперборейского чародея.

Кровь и магия, словно пульсирующая плазма, окутали яйцо чудо-птицы, не доставало лишь одного ингредиента для рождения того, что он хотел и Древнейший, ногтем разрезал себе ладонь, отдав яйцу каплю собственной крови.

Яйцо впитало кровь, замерев в воздухе.

Древнейший удовлетворённо отошел на два шага назад, и принялся наблюдать за рождением неведомого исчадия, которое, немного помедлив, продолжило пить жизнь великана сквозь скорлупу.

Но что-то пошло не так.

Древнейший никак не мог залечить свой порез на ладони, более того, его кровь понемногу, начала потоком по воздуху обогрывать яйцо, и с каждой секундой поток всё увеличивался и увеличивался. Изначальный попытался разорвать связь с тварью под скорлупой и сразу почувствовал, во-первых, его силу, а во-вторых, без связи тварь сразу же могла погибнуть.

«Значит, его надо перебороть!», – подумал самый могущественный за все времена Грот-маг, и тотчас, всем своим естеством и силой, сковал волю готового вылупиться существа.

Тварь сдалась быстро.

«Да», – удовлетворенно выдохнул Древнейший. – «Ты мне неровня! Хотя силен! Очень силен! Интересно скольким из адептов удастся выжить при возвращении собственного?»

Но почему-то сильно это не волновало, потому, как после подобного испытания останутся достойнейшие, кому суждено будет идти с ним на свершения, которые Древнейший замыслил уж не одно тысячелетия назад.

Тем временем, яйцо, иссушив велизарность великана, опустилось на умирающую плоть и начало мерцать, по скорлупе пошли трещины, в воздухе запахло озоном и засверкали молнии.

Напряжение нарастало, пока лопнувшая скорлупа не рассыпалась и возвращенный крылатый змей, не явил себя миру. Сначала змей высунул только черную голову и, раскрыв пасть, истошно пикнул. Затем, расправив крылья и скинув с себя осколки скорлупы, уже во весь свой пока ещё не могучий рев, выдал первый зов.

«Он зряч, и крылья на месте!» – с удовлетворением подумал Древнейший. – «Удалось!».

– Старейший! – призвал он одного из адептов, тот встал и низко поклонился. – Ты следующий! – а чёрный дракон, подчиняясь командам повелителя, изрыгнул содержимое желудка, и обагрил стоящие вокруг яйца, выпитой ранее кровью великана и каплей магии своего господина.

*

«Четырнадцать. Не так уж и плохо», – смотря на оставшихся выживших, уже не адептов, а Грот-магов, думал Древнейший. Двое не выдержали испытания, и теперь у него вместо одного крылатого змея стало сразу три. Он позволил им впервые питаться тем, что осталось от двух адептов и великаном, последнего пожирала заживо, невзирая на стоны и страдания. Через мгновение к троице присоединились и другие крылатые змеи, ведомые повелениями своих хозяев.

– Вы самые сильные из тех семян, что я посеял в незапамятные времена, – сказал Древнейший, обращаясь к собравшимся. – С самого вашего рождения я не называл вас Гротами сознательно, ибо хотел знать, достойны ли вы моих замыслов, так как ваша магия бесполезна для открытия врат в подземное царство, поэтому я использую её несколько иначе, вы станете генералами орды. Вначале, для этого вы сгодились, – указал Древнейший, на пожиравших плоть драконов. – Что же станет с вами далее, зависит лишь от вас самих, – гроты молча внимали каждому слову своего повелителя.

– На каждого из вас у меня есть свои планы, но двое должны взять ещё и роли, предназначенные для этих недостойных! – указал Древнейший, на уже обглоданные драконами кости. – Кто это будет? – все четырнадцать сделали шаг вперед. – Другого и не ждал, – злобно усмехнулся Древнейший.

Градимир

Пора просыпаться, первые лучи солнца озарили шпиль академии Чудо-камня. Протерев глаза, Градимир резко вскочил. Вчерашние тренировки отозвались ноющей болью натренированного тела, рецепт от недуга лишь один, новые тренировки. Приседания и отжимания сделали свое дело разогрев княжича. Улыбнувшись новому дню, он вышел на балкон и облился колодезной водой. Бодрость с хорошим настроением наполняли молодой дух. Немного пригладив волосы, Градимир вернулся в опочивальню и принялся одеваться, в дверь постучали.

– Кто там? – спросил княжич.

– Авдотья ваша светлость, – раздался знакомый голос, служившей при тереме девицы. – Ваш утренний чай.

Он улыбнулся, разрешая войти, а улыбался Градимир неспроста. Месяца два назад, когда девица ещё только поступила на службу в терем, то, не зная княжеского распорядка, тихо вошла без стука, дабы налить только что принесенной воды, и наткнулась на полностью обнаженного Словича. Авдотья, конечно, перепугалась и разволновалась, думая, что потеряла работу, но Градимир одевшись, успокоил её и рассказал, как и когда она ему утром потребуется. Дивчина красная как рак от смущения, нечаянно опрокинула ведро и лихо ретировалась, но спустя какое-то время вернулась и все исправила. Вот и сейчас смущаясь, девица робко на него поглядывала, наливая в бокал принесенное, но уже не со страхом, а с интересом. На ней был просторный и до неприличия прозрачный балахон, надеваемый девицами при уборке урожая с полей, что ранее изрядно княжича волновало, ибо девичьи прелести были как напоказ, да кожаные босоножки. Теперь, после смерти матери, княжич ни о чем другом не мог думать, кроме как отомстить убийце, да и не принято в словянских землях до брака пользоваться женской услугой.

Градимир сердечно поблагодарил Авдотью и, принявши из её рук горячий напиток, вышел на широкий балкон, дабы не мешать заниматься утренней уборкой.

Княжич вкусил ароматный чай, выращиваемый в бескрайних полях Луггорода.

Великолепно!

Солнце вставало.

Город понемногу просыпался, ночные фонари гасили, лавки, кофейни и торговые ряды оживали, одни с нетерпением предвкушали бойкую торговлю со своими покупателями, другие готовились обслуживать завсегдатаев питейных заведений. Все шло как обычно, чинно и мирно. Из соседней спальни вышел Волибор, протерев глаза и громко зевнув, младший брат, шаркая тапками да закутавшись в халат, приблизился.

«Хотя нет, теперь он средний», – поправил себя княжич и вслух сказал:

– Доброе утро.

– Ага, – продолжая зевать, ответил тот. – Дай глотну, – протянул он руку за кружкой и, взяв её, немного отпил. – Как ты пьёшь такой горячий?! – фыркнул Волибор, – по мне так лучше холодный мед!

– Не рано ли медом то баловаться? – забрав назад кружку, усмехнулся старший брат.

– Тебе я смотрю уже поздно, – окончательно проснувшись и поглядев внутрь спальни, ответил Волибор. Там девица заправляла княжью постель. – Ишь какая! – средний княжич уставился на полуобнаженный девичий зад и хищно оскалился. – Авдотья, потом придешь ко мне! Мне постель заправлять не надо, я тебя для другого попользую!

Девица, поправив подол, смущённо улыбнулась, продолжая заниматься уборкой.

– Утомонись брат. Имей совет, – попытался урезонить его Градимир.

Волибор покачал головой, очевидно, ожидая потакания своим страстям, но не найдя в брате единомышленника, решил сменить тему.

– Потренируемся? – Градимир ответил отказом, пояснив, что пока не пройдет траур по матушке, никаких тренировок на мечах. – Ну, смотри, – фыркнул Волибор, – заберу Авдотью и потренируюсь с ней.

– Нече девок портить, – нравоучительно сказал Градимир, положив руку на плечо младшего брата, – добро это не принесет.

– Твоё воздержание и вера в старинные обычаи, вот что не принесет добра, а я забочусь о своём здоровье и множу словян, – как ни в чём не бывало, нагло ответил Волибор.

– «И в кого он такой? – отвернувшись от брата и созерцая утренний город, думал Градимир. – В отце такого любвиобильности нет, как и в нём самом. Может, его подкинули?! – проскочила крамольная мысль».

– И много размножил уже? – вслух поинтересовался старший брат.

– Сколько есть все мои! – Волибор сделал паузу, затем вновь принялся нагло пялиться на Авдотью. – Как ты сдерживаешься брат, когда такой смак перед тобой? – Градимир пожал плечами. – А может, тебе нравятся юноши?

– Хммм, – прорычал княжич, продолжая попивать чай.

– Если это так, то кто ты, альфа или бета? – Градимир резко обернулся, а Волибор, поняв, что сейчас ему крепко достанется, метнулся в свою спальню. – Бета! – остановился он у входа, продолжая раззадоривать старшего брата. – Я прав?! Бета? – смеясь, Волибор еле увернулся от запущенной ему в голову кружки, а затем нарочито медленно, – лениво, ушёл в свои покои.

– Вот придунок... – сказал Градимир, взгляд сам собой упал на юную девицу и внимательно осмотрев Авдотью, княжич почувствовал, как чресла сразу же отозвались «каменной пикой».

Девка и впрямь очень хороша!

«Нет», – остановил себя княжич. «Так нельзя! В этом нет чести!»

Желание познать наконец-то усладу начало стучать в голове соразмерно биению сердца, и вместо того чтоб получить желаемое, ведь Авдотья неоднократно оказывала всевозможные знаки внимания, Градимир упал на руки, прогоняя бесовские мысли, единственным чем умел, тренировками. Авдотью, поведение княжича весьма позабавило, быстро закончив уборку и низко поклонившись, девица, удалившись восвояси.

Да, так дальше дело не пойдёт. Нужно вводить более целомудренное утреннее одевание для девиц-служаших, иначе он сойдет с ума от подобных соблазнов. Сбросив напряжение княжич, вновь умылся, оделся и направился в приемную, чтобы обсудить текущие дела с главным воеводой.

Через час подали завтрак в обедне, к этому моменту княжич уже закончил утреннее совещание и с полными руками свитков от развед-департамента, присел на своё место за столом. Волибор жадно ел мясо, запивая медом. Похоже, брат добрался до кого-то сегодня утром, ибо зверский аппетит можно нагулять либо тренировкой, что в случае с Волибором считалось крайне редкой практикой и естественно, усладой.

– Приятного аппетита, – проговорил Градимир.

– Угу, – пробурчал средний, с набитым ртом.

На столе главным блюдом значилась жареная баранина. Слуга, отрезав знатный кусок, подал мясо старшему княжичу и остановился, ожидая указаний. Блюдо оказалось таким же вкусным, как и выглядело, а свежее выпеченный хлеб просто таял во рту, помидоры, огурцы да лучок, придавали завтраку незабываемый вкус. Поспросив принести кваса, Градимир приступил к трапезе. В этот момент в дверях появилась Лада, жизнерадостная как всегда. Вот с кем приятно общаться по утрам, с ней не нужно думать об искушениях и грязных мыслях среднего брата, сестрица в случае чего проведет такой психоанализ, что вывернет тебя наизнанку, иссушив и не оставив от гнетущих мыслей и следа.

– Всем привет! – прожурчала она, напевая какой-то мотив. – А вы уже видели Олега? – братья жуясь, отрицательно покачали головами. – Вот дурни! И вам неинтересно, какой ваш младший братик?! – сестрица взяла со стола яблоко, сейчас начнет снимать кожуру и не только с фрукта.

– Отстань, – с набитым ртом, ответил Волибор. – Увижу ещё.

– Сегодня? Или когда Олег повзрослеет! – смеясь, воскликнула Лада.

– Да хоть бы и так, – отмахнулся Волибор.

– Бука, ты! – пристыдила княжна и обратилась к близнецу. – Ну а ты чего молчишь?! –

Градмир продолжал жевать. – Я с тобой разговариваю! – пихнула она старшего брата в плечо, тот проглотив, ответил.

– Я ещё позавчера Олежку на руки взял.

– Да и когда же это было? – не унималась она, не веря.

– Когда отец принес Олега кормилице. Аппетит у малого знатный, сам видел.

– Э, да ничего ты не видел! – запив медом пищу, встрял Волибор. – Хотя нет, кое-что ты узрел.

– И что же это братец? – спросила заинтригованная Лада.

– Грудь женская, конечно! – вновь съязвил Волибор, а сестра с недоверием сморщила носик. – Как ты не знала дражайшая сестрица? Представляю, какое отвращение вызвало у Градмира вид обнаженного женского соска.

Собираясь проглотить откушенный кусок, Лада чуть не поперхнулась яблоком.

– Не задирай меня, – спокойно ответил старший брат, хлопая близняшку по спине.

– Фу, какой ты пошляк братец! – прокашлявшись, нахмурилась Лада. – И в кого ты такой?

– Уж лучше быть хамоватым женолюбом, чем тайным мужеложцем, – сестра с недоумением посмотрела на брата и Волибор пояснил. – Почему ты думаешь Градимир в тридцать лет все ещё девственник? Он просто ещё не нашел себе альфу! Тем более посмотри на него...

Княжич вскочил, гнев обуял сердце.

«Да как посмел этот наглый трутень, называть его постылым именем!»

Гремела мысль, пока, тяжело дыша, Градимир пытался себя успокоить и не накинуться с кулаками на среднего брата.

«А эта его кривая ухмылка!»

Волибор продолжал вальяжно сидеть нога на ногу и, ковыряясь в зубах, зло усмехался.

«Да он даже сестру уже не стесняется, говнюк! Пора положить этому конец!»

Не дав Волибору договорить очередную гадость, Градимир схватил того за грудки и притянул на себя через стол. Посуда полетела в разные стороны, а кувшин с мёдом упал и разбился. Стоявшие на страже двое велизарных переглянулись, но вмешиваться не стали.

– Ещё слово и выбью тебе зубы! – грозно сказал Градимир.

– Ну, попробуй любитель сосисок, – вырвался Волибор.

Это было последнее, что тот сказал, надменная и злая ухмылка вконец вывела Градимира из равновесия и, поддавшись гневу, княжич нанёс удар. Волибор рухнул навзничь, опрокинув стул, и распластался на полу. Градимир замер, нахмутив брови, он ждал, ждал пока брат в тщетных попытках, вернёт себе вертикальное положение и тогда можно продолжить трепку.

Кровь хлынула из разбитой губы. Сплюнув два выбитых зуба, Волибор в очередной раз, попытался встать, но рухнул вновь, комната шла кругами. Лада, с воплями ужаса подбежала, положила его голову себе на колени и принялась вытирать кровь, подолом сарафана.

«Сейчас как всегда начнет причитать».

Не дожидаясь этого, Градимир обошел стол и грозно приближался, желая наконец-то выбить дурь из неразумного брата и плевать, что он ещё не поднялся!

– А ну стой, где стоишь! – с угрозой в голосе, предупредила сестра.

Пришлось подчиниться, ибо ещё одной ссоры Градимир не желал, а в это время стоящий в охранении один из велизарных принялся колдовать, и у Волибора взамен выбитых зубов, проросли новые.

– Ишь, какой грозный старший брат! Смотрю, ты не гнушаешься бить слабых!

– Это не так Лада! – гневно ответил княжич.

Градимира распирало от желания рассказать сестре, каким порочным стал Волибор, и как он ведёт себя, попирая старинные обычаи, и ступая против воли богов. Но как старший брат, он берег и лелеял чувства сестры и не намеревался становиться тем, кто разрушит её сказочный мир, где все живут долго и счастливо. Поэтому Градимир не стал открывать правду, лишь вздохнув, унял свой гнев.

– Уходи, – обиженно сказала Лада, – и подумай над своим поведением!

Градимира собрал в карман принесённые свитки, развернулся и ушёл прочь. Стража почтительно расступилась, пропуская, даже велизарные предпочитали лишний раз не вставать у него на пути, и это не от силушки богатырской, а от искреннего уважения перед наследником престола.

Сцепив руки за спиной, княжич быстрой походкой неся по коридорам снедаемый сомнениями о своих деяниях.

Правильно ли он сделал, что ударил Волибора?

Правильно.

Ибо тот уже неоднократно выпрашивал хорошую трепку, но вот нужно ли это было делать при сестре?

Скорей всего нет.

Лада нежная и ранимая душа, и открывать ей всю грязь этого мира было неразумно и преждевременно.

Коридор шел за коридором, одно крыло терема за другим и вот внезапно Градимир оказался перед покоями младшего брата, из которых доносилось громогласное Уа-а-а! Кня-

жич остановился, немного поразмыслив и решив отбросить мысли о семейном раздоре, вошел внутрь, в комнате творилась полная неразбериха.

Служанки и горничные носились как угорелые, светочи читали книги, выискивая недуг юного Словича из-за которого он бушует. Ромашки смешивали успокоительный сбор, а кормилица беспрерывно качала юного княжича на руках. Олег ни в какую не хотел есть и лишь надрываясь, кричал. Завидя вошедшего наследника, все в ужасе застыли.

– Разрешите мне попробовать? – спросил княжич кормилицу.

Та с полупоклоном передала ему братишку. Оказавшись на руках у старшего брата, Олег внезапно замолчал и с интересом уставился на Градимира. Наступила тишина, кто-то из прислуги устало присел на стул и громко выдохнул, кто-то, воспользовавшись передышкой, выпил воды, а Градимир с огромной любовью и нежностью сжимал маленький хрупкий кулечек, медленно покачивая и разговаривая с ним.

– Ну что ты такой вредный братишка? Вишь, как загонял нянек своих! Непорядок – это! – Олег агукнул в ответ. – Давай-ка братец спокойно поедим, а опосля, я возьму тебя с собой погулять по гарнизонам. Ведь ты ещё не бывал в войсках?!

– Нгууу! – залился веселым смехом Олег.

– Вот и хорошо! – передав малого кормилице, Градимир с нежностью наблюдал за ним, а та, взяв юного Словича, дала грудь и Олег, принялся, жадно есть, не сводя при этом глаз со старшего брата.

– Он словно чувствует родную кровь рядом, – молвила с облегчением кормилица. – Ох и вояка вырастит, если уже сейчас ему удастся гонять десять нянек до изнеможения!

– Да уж! – согласился Градимир.

Дождавшись пока Олег закончит трапезу, Градимир забрал его с собой направившись, как и обещал, к казармам первого ярилгородского полка. Братишка с интересом рассматривал окружающие здания и проходящих мимо людей, облаченных в сталь. Он ворочался, пытаясь высвободиться из пеленок, и как подозревал Градимир, хотел до всего дотронуться лично. Увязавшиеся за ними три няньки, причитали наперебой о ветре и слишком ярком свете солнца, на что княжич твердо отвечал, что Олег не комнатное растение и пора привыкать к погоде, да закаляться.

Впереди приветственно выстроились «Лютые».

– Вот видишь Олежка этих воинов, – развернул он братика лицом к строю. – Это Лютые. Мои личные воины, – малец агукнул, – и у тебя будут такие же, когда подрастешь, а вот как назвать их, решать тебе.

– Отчего же ждать? – громогласно известил о своём прибытии главный воевода Данила Большерукий. – Посмотри, какой взгляд у юного княжича, прям пламя! Вот и быть его отряду «Пламенными». Пока что во всяком случае.

– Думаешь ему понравиться? – спросил княжич, глядя на озаренное восторгом от созерцания войска, личико младшего братика.

– Спросим, когда сможет ответить, а пока, – Данила потерял свою бороду, – тебя призывает отец. Есть вести с юга. Дурные вести.

*

Олега взяли с собой, потому как малец ни в какую не собирался слазить с рук, да и лишний раз повидаться с отцом, по уши погрязшем в делах государственных, стоит. Прибыв в штаб, Градимир приказал нянькам распеленать братика и одеть в распашонки, после чего, отправил их молча сидеть на дальней скамье и ждать дальнейших распоряжений. Те, выполнив указание, ретировались в конец зала, столкнувшись у входа с словянским князем.

– Ух ты! – Воскликнул Святослав. – Вот молодцы что Олежку привели!

Быстро подойдя к Градимиру, отец взял малого на руки и нежно прижал к груди, с любовью шепча тайные слова. Олег, воспользовавшись случаем, потаскал Святослава за густые усы и подергал правое ухо.

– Хорошая хватка! – восхитился счастливый отец. – И не скажешь, что ему четыре дня отроду.

Через две минуты в зал прибыл Светозар с магом юга Ильгамом, штаб собрался полным составом. Князь, не выпуская сына из рук, приказал начинать.

Слово взял главный воевода.

– Вначале, перед тем как доложиться, хочу спросить уважаемых магов. Как получилось так, что Чудо-камень проморгал подход пхазар к утесу «Склонивших голову»?

– Чудный лес окутан туманом, – отвечал Ильгам. – Мы уведомляли военное руководство о сём, ещё два месяца назад, когда светлейший был в Вязи. При этом временный старший воевода Палаш направлял неоднократно разъезды на территорию кочевников и ничего не обнаружил. Спустя какое-то время, насланный магией туман, вообрал в себя и Утес-Улы, крупнейшую на юге приграничную ярмарку, укрыв её от нашего взора.

– К слову сказать, – взял слово Светозар. – Ильгам несилен в противоборстве с таким колдовством, сейчас нами назначен новый южный маг Иван Вышегор, когда он прибудет на место, то сразу же доложит о состоянии дел.

– А не ему ли поручено хранить столицу от появления порталов? – спросил Данила.

– Да, – подтвердил Светозар. – Он хорошо с этим справляется и обучает себе замену.

– Обучение закончено? – поинтересовался Градимиру.

– Ещё нет, да и в принципе мы пока не уверены, что наши контрмеры сработают, поэтому я вызвал сюда одного из триумвиата Гипербореи, возможно великаны знакомы с подобной магией и ещё помнят её.

– Тогда с отправкой повременим, – отвлекшись от игры с сыном, приказал князь. – На Олега уже покушались, я не хочу, чтоб Сарии оставался единственным его компетентным защитником.

– Как прикажет светлейший, – поклонился Светозар, засим Данила продолжил.

– Итак. Утес пал. – Воевода подошел к штабной карте, приколов фигурку кочевника к переходу через «Реку без названия». – Дальнейшие действия противника мне видятся так. Располагая от двадцати до тридцати тысяч конницы, у кочевников полностью отсутствует возможность ведения осадных действий, стало быть, будет грабительский набег. Их главной целью, безусловно, является приграничная ярмарка, дальнейшее вторжение и более глубокое проникновение пхазар в наши земли, считаю нецелесообразным и маловероятным.

– Тогда скажи мне Данила, – князь предал Градимиру не на шутку разыгравшегося Олега и подойдя к карте, указал на нужное место. – Почему мы не встретили кочевников на утесе, где их проще всего сдерживать?

Большерукий парировал сразу же.

– Потому как там нет ни крепостей, ни временных гарнизонов, все строители заняты на возведении стен оплотов «Дальний» и «Росток». К слову сказать, момент для набега выбран очень удачно, возможно, не обошлось без соглядатаев пхазар.

– Это почему? – тихо спросил Градимиру, убаюкивая вдоволь зарезвившегося с отцом братишку.

– Палаш по согласованию с нами, решил провести маневры и забрал все мобильные части из приграничных к утесу оплотов, в Рунд.

– То есть, если пхазары выйдут на оперативный простор, выбить их будет нечем? – удивился князь и добавил. – Фурии не в счет.

– Да это так, – угрюмо ответил главный воевода.

– И с чего это вдруг Палашу понадобилась подобное учение? – подозвав к себе ожидавших нянек, спросил княжич. Он бережно передал им уснувшего Олега и те унесли младшего Словича в детскую опочивальню, дав при этом мужам разговаривать в полный рост.

– Мне было видение, – сказал Ильгам. – Конница оплотов и во главе Палаш с Михаем у стен Рунда.

– Так что и воевода Михай тоже отправился на юго-восток?! – вскочил княжич. – А не думали ли Вы уважаемые маги, что это лишь передовой отряд пхазар, и вся их миллионная орда стоит в Чудном лесу, ожидая команды к вторжению?!

– Успокойся Слович, – пробасил Данила. – Разведчики докладывают, что формирования армии вторжения ещё не началось, однако, разговоры идут. Спору нет. К тому же в Вязи командует знаменитый Каспий, поэтому мне не кажется, что юг брошен на произвол судьбы, тем более, когда у Палаша есть все средства собрать «Каменный полк» и вовремя прибыть к возможному театру военных действий.

– А как бы поступил ты сын, на месте пхазар? – внезапно спросил князь.

Градмир задумался, отпив чаю и подойдя к карте, княжич, достал другие фигурки, расставив их так, как ему виделось.

– Будь я захватчиком, то один бы против нас не пошел в текущих условиях, потому как знаю, что северяне сильны и воевать с ними на один фронт самоубийственно. Я бы договорился со Скифами и предложил бы им земли до Камнегорска, при этом гарантировал бы им, что свяжу локальными боями полки Вязи и ударил бы в Луггород, где, закрепившись, принялся бы далее планировать атакующие действия, вплоть до осады Заречья и жалящих набегов до Земска. При этом Вязь уже будет думать о возврате степного града, а сконцентрируется на обороне внутренних округов. К тому же, если столичные полки двинутся к Камнегорску напрямую, то завязнут в лесах, где на них можно свободно организовывать засады, тем самым сдерживая продвижение подкрепления и обеспечивая благоприятный штурм Камнегорска войсками Скифов.

– Да, – усмехнулся Большерукий, – воевать супротив тебя княжич опасно.

– Интересный ход, – похвалил отец, – а теперь изложи, что нужно сделать нам, если описанная тобою ситуация свершится.

– Ударить из Рунда сейчас! – даже не став переставлять фигурки, ответил княжич. – Юг самое незащищенное место, не считая «Каменного рубежа». Это обусловлено протяженной границей с тремя враждебными государствами, Пхазарами, Скифами и Финикийцами. Но я ни при каких условиях не стал бы снимать «Каменный полк»!

– Ай, перестань княжич жуть наводить! – отмахнулся Большерукий. – «Каменный рубеж» непреступен! Даже если мы снимаем с него полк, останется достаточно войск для противодействия любому известному нам противнику.

Градмир не без волнения осмотрел тонкую прямую линию на карте, обозначающую древнюю стену.

– Вот именно известному...

Наступила тишина, первым её нарушил верховный старец.

– Опасения княжича не беспочвенно. Южные джунгли незримы для нашего взора, они слишком далеко.

– Значит, вы не даете гарантий, что за стеной нет опасности? – спросил главный воевода.

– Опасность есть всегда, – изрек старец. – Стена стоит не зря.

– Ну и как поступим Данила? – спросил князь, привыкший доверять суждениям старых друзей.

Градмир и Большерукий вернулись на свои места.

– План княжича дерзкий, но вполне осуществимый. Чтоб подобное не произошло, считая, кочевникам как одним, так и другим нужно наглядно явить всю мощь юга, а для этого, помимо всего прочего, нужен и «Каменный полк».

– Одумайся Данила, – прервал его княжич. – Нельзя впадать из крайности в крайность.

– Градимир, – спокойно отвечал воевода, – я нисколько не ставлю под сомнение твои стратегические способности, но вероятность того что на «Каменный рубеж» нападут, да ещё в момент, когда войска будут в походе, и не приведи старые боги прорвут его, стремится к полному нулю! У меня даже цифры такой нет, чтоб сказать, с каким процентом вероятности подобное произойдет!

– Все равно такой шаг неправильный, – недовольно пробурчал княжич.

– Но единственно нужный в подобных обстоятельствах! – настаивал на своем Данила. – Попустительство к агрессии приведет к тому, что ханы сплотятся и придут к нам! Но ежели мы всей силой юга войдем в Чудной лес, да ещё и подойдем к Бахчи-сараю, у пхазар будет лишь один выбор, либо сражаться, либо пасть. Думаю, все понимают, как они поступят. Подобная акция устрашения отрезвит кочевников на многие годы, если не десятилетия, и мы забудем о том, что такое пхазарский набег.

– Добро, – подытожил Святослав. – Так и поступим, а ты сын молодец. Хороший стратегический анализ, – похвалил он Градимира. – Данила, сегодня же направишь гонца в Рунд с соответствующими повелениями.

– Да светлейший, – поклонился командующий.

На этом заседание закончилось.

Градмир быстрой походкой покинул зал, направившись к себе. Он всё никак не мог успокоиться. Смутные времена наступают. Подземные твари и тёмные колдуны чаще и чаще тревожат мир словян. С запада, некогда маленькое королевство разрослось до невиданных размеров, и недалек тот день, когда оно переродится в империю. На стыке южных и западных земель словян активизировался вольный город Бронск, их заигрывание с Финикией к добру не приведет, во всяком случае, для Словичей. Пхазары и Скифы стародавний враг в любой момент готовый всадить нож в спину, а «Каменный рубеж» – вообще неизвестная величина! Что там за ним? Кто может оттуда прийти? Ведь не зря на заре времен великаны и предки Словичей возвели столь протяженный оборонительный рубеж, значит, опасность есть, а то, что она за все тысячелетия, пока известный нам мир существует, не явила себя, ещё не значит, что опасность исчезла! Но вера в опыт Данилы все же взяла верх. Нужно доверять суждениям таких командиров и учиться у них, не забывая при этом о своих предчувствиях, а они говорили:

«Что-то грядет с юга. Что-то неведомое. Что-то страшное».

Каменный рубеж

Справа хрустнула ветка. Витязи вскочили от костра и, вынув сталь, пристально изучали тёмный мрак южных джунглей. Словно в предвкушении страшной опасности вся живность разом замолчала.

Тишина.

Словяне взволнованно переглядывались друг на друга.

Разведчики.

Их троих два дня назад отправили на обыденный обход дикого леса, что лежит за Великим «Каменным рубежом». Командованию всегда нужно знать, появилась ли угроза из неведомых краев или все спокойно и можно продолжать нести скучную службу, в самом отдаленном от цивилизации районе, но в этот раз, все шло не так, как обычно.

Ещё утром, перед самым рассветом, лучника сармата укусила какая-то тварь, отравив ядом. Это точно была не змея, ибо следов укуса не было, а лучник умер мгновенно. Похоронив

собрата, как подобает в боевых условиях и после безуспешных поисков «убийцы», разведчики двинулись дальше, сейчас же они стоят, спина к спине не в силах сдвинутся с места.

В ночном лесу мелькали тени.

Десятки теней.

– Они со всех сторон, – дрожащим голосом сказал Мур.

– Не дрейфь сынок! – попытался подбодрить молодого воина Сыч. – Прорвемся!

Тени, кружили не переставая, то в одном бесшумном прыжке окажутся на ветке, растущей в пяти метрах над землёй, то вообще, перепрыгнут через словян, скрывшись во мраке ночи, то сверкнут желтыми глазами.

Ветеран унял страх, и пнул грунт ногой, засыпав костер. Искры взвились ввысь, спугнув притаившиеся над разведчиками тёмные силуэты.

– Сигнал не промок? – спросил Сыч. Мур надломленным голосом ответил, «Нет». – Тогда запускай!

Впереди, прямо перед Муром, появились два жёлтых змеиных глаза, их хозяин бесшумной походкой медленно приближался, сковыывая волю противника. Молодой воин застыл в суевном ужасе.

– Ну! – пихнул его Сыч и тут же почувствовал, как что-то острое ткнуло в спину. Ветеран резко развернулся, отскочив в сторону.

Мура пронзил клинок, а тот, кто это сделал, даже не думал прятаться.

Тень вынула меч из мертвого разведчика, шагнув навстречу.

– Эх, Мур, – печально вздохнул ветеран. – Добрый ты был воин! – радовало в этой ситуации лишь одно, парень умер без мук.

Сыч действовал быстро, но и тень много чего могла, во тьме дикого леса разведчику никак не удавалось разглядеть противника.

– Шустрая тварь! – рычал Сыч.

Мечи звенели и выбивали искры, разведчик старался не отходить от погибшего товарища, так как всё ещё надеялся схоронить его подобающим образом, после того как разделается с противником, разумеется.

Минута шла за минутой, выпад все время натывался на блок, но вот Сыч, все же изловчившись, смачно ударил противника в челюсть. Обычно после нечто подобного, его поединчики падали, а желтоглазый лишь сделал два шага назад. Разведчик тяжело вздохнул, получив внезапную передышку.

«Похоже, нужно быть хитрее, а не брать скоростью или умением».

Пока тварь собиралась атаковать вновь, Сыч осмотрелся, тени стояли везде безмолвно и неподвижно, они просто наблюдали за поединком.

«А у них есть понятия о чести» – мелькнула мысль, – «иначе меня уже бы наспиговали сталью, словно иголошницу».

Тварь атаковала.

Не добившись успеха своим хитрым выпадом, она плюнула, и если бы Сыч не выставил руку, защищая лицо, то уже был бы мертв.

Яд разъедал кожу.

Разведчик скинул перчатку, и пока противник пытался оторвать вновь, сделал выпад.

Тварь ушла в сторону.

Однако словянин хотел именно этого, выхватив второй рукой кинжал, Сыч со всей клокочущей в нём жгучей ненавистью, всадил сталь противнику в грудь по самую рукоять, пробив кольчугу насквозь. После чего медленно провернул.

Тварь безмолвно открыла пасть, закатив глаза, казалось бы все.

Разведчик, устало выдернул кинжал и, вытирая кровь о штанину, посмотрел налево, где стояла ближайшая тень.

Но в этот момент и прежде чем рухнуть, тварь, выпустив когти, саданула ветерану по горлу, разорвав сонную артерию. Алая кровь хлынула безудержным потоком.

Сыч упал.

Привстав на одно колено возле мертвого сотоварища, да зажав глубокий порез, он попытался оценить обстановку.

Тени медленно приближались.

Причем все сразу.

Сыч попытался было встать, оперевшись на меч, но тут же рухнул вновь.

Правой щекой он ощутил приятную прохладу опавшей листвы.

Силы покидали.

Теперь одолеть всех и выжить Сыч даже не надеялся, он хотел лишь одного, умереть достойно.

Умереть стоя к противнику лицом и как можно больше забрать с собой врагов в долину теней.

Однако оставалось одно незаконченное дело.

«Успеть! Надо успеть!», – била набатом мысль.

Кони, словно только заметили чужих, нервно сопели, стуча копытами и давая понять, что нужно держаться от них подальше.

Схватив сумку Мура, разведчик вынул одну нужную сигнальную ракету и воткнул её в тлеющие угли.

Запал вспыхнул, осветив приближающиеся силуэты.

Руки дрожали, кровь фонтаном хлестала из открытой раны. Три секунды до старта длились словно вечность.

Но вот алое пламя стремительным метеором взметнулось ввысь, заставив окруживших разведчика тварей присесть от испуга.

«Всё!»

Сыч радостно упал на спину, приготовившись к неминуемой смерти.

«Теперь пусть добивают...»

Рука безвольно упала на полную сигнальными огнями сумку, а рядом лежал уголек. Старые боги не забыли о нём, в столь далеком от дома месте.

Сыч возрадовался.

– «Ну что ж», – подумал ветеран, – «помирать так с музыкой!»

Зло оскалившись, разведчик из последних сил схватил голой рукой раскалённый уголёк и бросил в сумку.

Мощный взрыв сотряс тьму дикого леса.

*

Сим зорко вглядывался в тёмную даль южных джунглей, это третья годовая вахта на стене и думается последняя. Денег, что ему выплатят, наконец-то хватит, для выкупа красавицы Самины из грязных рук тысячника Быстроного, тогда, невзирая на все тяготы и лишения, что они перенесли, судьба вновь соединит любящие сердца. Но до этого было ещё далеко. Три месяца и семнадцать дней.

Неподалеку, в свете ночных фонарей, дозорные гарнизона сторожевой башни 88 изнывали от праздности. Напившись вдоволь меда, ратники играли в кости, восседая на бочках с синим пламенем, и разыгрывали ставку в девять серебряных грифонов.

«Это месячное жалование!» – усмехнулся Сим.

Тому, как словяне расстаются с кровными деньгами, он удивлялся всегда. Ведь так можно и без штанов остаться, но в его случае все заработанное серебро хранилось в Новэе.

Сим разрешил городской экономической палате использовать его накопления, и к концу года, рента, за пользование добавит к уже заработанным, ещё пару десятков серебряных монет.

– «Да, это правильно», – рассуждал Сим. – «Деньги должны работать».

В том, что палата непременно их отдаст, сармат ни на секунду не сомневался, потому как каждая из аккредитованных в Ярилгороде подобных заведений, получали право при займе от вкладчика, давать тому слово от лица князя, что последние получают свои деньги назад в полном объёме, да ещё и с прибылью. Уж этим палата обеспечивала себя сама, иначе займы не принимала бы вовсе, а то, как Словичи держат слово, было лучшей гарантией возврата кровно заработанных средств.

Ратники наконец-то закончили расклад и, допив вино, принялись жарко спорить о честности банкующего, подвергая его действия сомнению, потому как выигрыш взял именно он.

Будет драка.

Сармат пошел прочь, все так же зорко вглядываясь на юг. Хотя словяне и были ему братьями, но всё же некоторые их поступки вызвали не то чтобы отвращение, но непонимание точно.

Спустя пару минут, он остановился.

Вдалеке, в еле видимом человеческому глазу месте, взвилась красная сигнальная ракета.

Сим протер глаза.

Алый огонёк никуда не исчез, лишь ненадолго завис над лесом, извещая об опасности. Выхватив рог, сармат со всей силы дунул, подавая сигнал тревоги, и кинулся к дозорным.

Огни в сторожевой башне 88 загорелись стремительно.

Гарнизон поднимался по тревоге, а огонёк, догорев, пропал в темной дали, не оставив от себя и следа.

Твердислав

Витязи по двое въезжали во двор терема Святослава, без приветственных вымпелов, без богато украшенных плащей и щитов, просто одетые как полагается для длительного путешествия, и только.

Августейшие братья крепко обнялись, когда младший соскочил с коня и бегом приблизился к старшему. Они длительное время стояли, не отпуская друг друга, словно некогда монолитная часть, была разделена на долгие годы и вот наконец-то воссоединилась.

Твердислав, находясь позади отца, со своим младшим братом Ярополком, терпеливо ждал, пока правила этикета позволят поздороваться с великим князем, а по совместительству и с любящим дядюшкой Святославом. Затем, он и сам уже заключит в объятия Градимира, который стоял напротив, и весело улыбался, как и Лада.

«А она повзрослела», – думая об этом, Твердислав искренне радовался за двоюродную сестру. Слева от княжны находился угрюмый юноша, очевидно, их средний брат Волибор, с коим встречаться не доводилось.

Расцепив объятия, августейшие братья, наплевав на этикет, вдоволь пообнимавшись со своими племянниками, и не желая терять ни минуты, предложили всем проследовать в терем, после чего удались решать текущие вопросы. Наконец-то настала очередь Твердиславу обнять Градимира и Ладу, лишь Волибор коротко поклонился кузенам и ушел, не дождавшись рукопожатий.

– Не обращай внимания, – положил на плечо руку Градимир. – Волибор в последнее время сам не свой.

– Вижу. Переходный возраст? – уточил Твердислав.

– Похоже, – подтвердил княжич и, узрев, как Лада вдоволь поиздевалась над Ярополком, решил спасти его от сестринской любви. – Брат! – громко сказал наследный княжич, младший Слович быстро протянул руку, вырвавшись из тисков любящей сестрицы.

– Наши отцы уже уши, что такое срочное могло приключиться? – Твердислав искренне недоумевал.

– Сегодня Светозар общался с триумвиром Гипербореи, – ответил Градимир. – Мы ждем мага от них, а вот тебе тоже скоро предстоит путь и неблизкий.

– Это поведали гиперборейские маги? – усомнился Твердислав.

– Пойдём скорей в тронный зал, отцы сейчас все сами расскажут, – предложил Градимир.

Меж тем Лада всецело завладев вниманием своей тетки Ольги, прошла мимо, взяв её за руку, и устремилась в чудный сад, который раскинулся позади терема правящей династии. Твердислав, проследил взглядом и решил, что матушка в безопасности с двоюродной сестрой, потом подпихнув младшего брата вперед, двинулся за Градимиром.

Отцы, похоже, уже в тронном зале и княжичи ускорились, дабы не опаздывать. Ярополк немного отставал, изредка, переключаясь на бег.

– Ну как поездка, – допытывался Градимир, – сильно промокли?

Перед входом в Ярилгород разразилась гроза, однако, пока младшие Словичи со своими витезями добирались по городу до терема, небеса перестали изливаться дождь, и к въезду во двор, и в момент долгожданной встречи, выглянуло солнце.

– Есть манёха, – усмехнулся Твердислав. – Почему Волибор не пошел на совещание? – недоуменно спросил он.

– Не переживай за то, – отмахнулся Градимир.

Твердислав призадумался, младший Ярополк одногодок Волибора, но подобного неуважительного отношения к окружающим не просматривается, тем паче, братишке некогда являть миру свои хотелки, его день расписан поминутно, тренажи обучения тренировки. Вот собственно и весь распорядок. У Твердислава было несколько иначе, вначале тренировки, потом обучение, обучение и ещё раз обучение. Матушка в данном плане насаждала сильно. Помимо главных наук, его обучали дипломатии, культуре и языкам, но Ма ещё настояла на изучении старшем сыном этики и танцев, что в корне не вязалось с мировоззрением Твердислава. Ну, в крайнем случае, этика, посему от занятий танцами, он с успехом уклонялся.

– А куда подевалась тетушка Ольга с Ладой? – спросил, обернувшись Градимир, входя в тронный зал.

– На Олега пошла смотреть, – пояснил Ярополк. – Лада сказала, он гуляет в саду с няньками.

Тронный зал полон.

Все старшие воеводы и маги направлений тут, Светозар горячо обнял Святополка и не менее радушно и с любовью поздоровался с ним и братом.

– Ну что сынки устали с дороги? – весело улыбаясь, спросил старец.

– Нисколько, – ответил Ярополк.

«Храбрится зараза, а ведь недавно сетовал, задница устала от седла, да спина ноет от постоянной многочасовой скачки», – подумал Твердислав, занимая своё место, брат разместился рядом.

Светозар убедился, что все в сборе, кроме Волибора, разумеется, и присел возле дяди Святослава, напротив отца. Потом поднял руку, добившись полной тишины. Двери в тронный зал бесшумно закрылись, двое велизарных, как всегда, заняли свой пост перед входом, и словно продолжая старый разговор, глава Чудо-камня молвил:

– Тана выехал, – Светозар сделал многозначительную паузу, Твердислав сразу, так на всякий случай, перебрал всех знакомых Тан и заключил, речь идет именно о главе триумви-

рата волшебников Гипербореи. – Триумвиарий прибудет как обычный путник, и не применит велизарность.

Отец, разумеется, задал вопрос.

– Но почему владыка Тана станет путешествовать как мы? Если он оседлает магического жеребца, то окажется тут уже завтра к обеду! Зачем терять время?

– Святополк, имеется мнение, – разъяснил верховный старец, – что темные силы тайно наблюдают за Чудо-камнем, и Ярилгородом в частности. Велизарное перемещение из Гипербореи в столицу Просторных земель от них не скрыть. Мы же наоборот, хотим разобраться в происходящем, и кто супротив нас решил выступить, именно для этого и нужна секретность.

Отец, пригладив короткую бородку, посмотрел на брата.

– Ты ведь не думаешь, что древнее зло вновь обратило взор на наши земли?

Дядя Святослав, отпил немного чаю и медленно ответил.

– Ничего нельзя сбрасывать со счетов брат. Порталы магия очень старая и мне не кажется, что некроманты или тёмные маги способны сотворить подобное.

Отец откинулся на спинку стула, внимательно глядя на старца.

– Светозар, ты помнишь, как три года назад мы чуть было не пленили сильного тёмного мага, – старец кивнул. – И ты знаешь, кем и как он распоряжался, – опять кивок. – Возможно ему, помимо управления змеем, удалось овладеть и знаниями о порталах? Ведь общеизвестно, исключительно Грот-магам подчиняются подземные змеи.

– Это только часть правды, – не согласился Светозар. – Беспроглядный маг, точнее, могучий тёмный колдун, способен подчинить себе подобное существо. Жаль, что вам не удалось поймать его для допроса.

Твердислав недоумевал.

Очевидно, говорили про пленённого подземного змея, который решил проникнуть в лабиринт Камнегорска, уж зачем, лишь старым богам известно. Когда его обезвредили и запечатали вход в верхний чертог, а рукав шахты, по которому рудокопы случайно напоролась на подземный мир, затопили, принялись искать причины произошедшего.

Да, шуму эта тварь наделал много, и рудокопов погибло от пламени не мало, но вот что выяснилось в ходе расследования, так это то, что один из клерков горно-рудной компании, занимавшейся в кручи Кладезя разработками, целенаправленно поменял курс добычи. В результате, множество рудокопов проникло в запретные зоны на глубину в четыре версты, там-то они, в одном из множеств нерегламентированных рукавов, и проломили свод верхнего чертога. Сам же клерк, которого после оценили, как тёмного мага, пропал и, разумеется, избежал дознания, а светочам Камнегорска пришлось приложить немало усилий, запечатывая вход в один из многих путей ведущих к подземному царству, да к тому же переловить подземников, вырвавшихся вместе со змеем в шахты.

– Вот мне и подумалось, – продолжил отец. – Вдруг это его козни?

– Ничего нельзя исключать Друже, – улыбнулся старец, – и в твоих словах есть правда. К тому же я убежден, великаны сохранили знание о порталах, посему, смогут помочь нам изловить их создателя для справедливого суда, – отец развел руки в стороны, соглашаясь с доводами старца.

– Но это не единственный повод нашего собрания тут в столь широком составе, – взял слово князь. – Агриппа, можешь начинать доклад.

Могучий воин, понимаяюще поклонился и, громогласно, начал.

– Уважаемое собрание. С недавнего времени, и по получении исчерпывающих доказательств могу Вам сообщить о вербовке нашего посла в Вингии западными нанимателями. По имеющимся сведениям, посланец угодил в ловушку к ростовщикам, чем не преминули воспользоваться люди некоего герцога Маргемана, находящегося в дальнем родстве с правящей династией Эйлестеров. – В зале послышались негодующие выкрики, но грозный взгляд князя

в мгновение восстановил тишину. – Предательство посла открывает нам хорошие возможности в плане успешной контрдезинформационной игре. Однако у перебежчика есть небезосновательные опасения, что его раскрыли и тому имеется ряд, как я уже сообщил, доказательств. Прямо сейчас, люди Маргемана пытаются создать неоспоримое алиби для посла предателя, чтоб удержать этого мужа у власти.

– И мы ему позволим? – спросил отец.

– Безусловно, – кивнул западный воевода. – Поэтому определить степень доверия создаваемых доказательств и подтвердить наше неведение, можно лишь на месте. Посему, нужен такой инспектор, в коем мы никогда не станем сомневаться, ибо игра будет грязной и очень хитрой. К тому же наш человек должен обладать не дюжими постижениями о тех местах, и ведать противника, так сказать, в лицо. Уверен, – и с этими словами Агриппа пристально посмотрел на него, – княжич Твердислав единственный, кто годится для этого задания. Его компетентность и знатное происхождение, подтвердят высокую степень нашей озабоченности, имеющимися опасениями в адрес подозреваемого посла.

Поднятая с недопитым чаем кружка застыла в руках, вот так сюрприз!

Вингия!

Неужели он окажется там! Неужели воочию увидит великий чертог Одина и академию молниемагов Тора! Неужто удастся поближе познакомиться с грозными воинами вингами и побродить по древней Валгалле, словно во сне Твердислав услышал свой пылкий и полный энтузиазма выкрик:

– Я согласен! – Агриппа удовлетворенно улыбнулся, а отец обратился к князю.

– Брат, мы только прибыли, я думал, сын погуляет на тридцатых именинах своих брата и сестры! – Святополк говорил о близнецах Градимире и Ладе.

– Твердислав, – молвил князь, – отправится в «Северную Звезду» ровно через сто шестьдесят восемь часов и после пира в честь дня рождения своих брата и сестры, разумеется. К этому моменту великаний Догонг будет готов к плаванию, времени останется лишь на велизарный переход до северного оплота, чтоб успеть к отбытию. Как мне сообщил Светозар, на борту корабля моего племянника и твоего сына будет сопровождать не кто иной, как гиперборейский маг.

– Кто? – спросил отец старца.

– Это сюрприз, – ответил тот. – Триумвират не назвал его имени, лишь сообщил, что наставник и защитник княжичу будет вполне компетентным. К тому же великаны и сами хотят более близко познакомиться со скандинавами, винги неоднократно наталкивались на догонги, считая их драккарами Одина, поэтому гиперборейцы хотят положить конец начавшейся суеверной неразберихе.

– Несут свет, как всегда, – усмехнулся Ярополк.

– И развенчивают невежество, – укорил отец. – Ты должен понимать сын разницу между искренним уважением и суеверным поклонением, – лицо братца покрыл румянец смущения, и он потупил взор.

– Хорошо, – громко сказал Данила Большерукий, – если будет позволено, то хотел бы уточнить про вторжение пхазар, – после этих слов главный воевода полностью завладел вниманием отца, да и не только его. Увидев одобрение князя, Большерукий доложил. – Обстановка в корне изменилась. Пхазары уже в Утес-Улы, и судя по их развертыванию, закрепляться для дальнейших набегов вглубь наших территорий, там не намерены, а стало быть, и я это вполне допускаю, предсказание Градимира начинает сбываться.

– Что за прогноз? – уточнил отец.

– Позже, – сказал дядя Святослав.

– В связи с этим, – продолжил Данила, – прошу Вас светлейший, приписать к моему штабу наследного княжича, его нестандартное видение обстановки позволит нам более объективно рассматривать сложившуюся обстановку.

– Добро, – ответил дядя. В зале наступила тишина. – На этом всё, – поднявшись, произнес он. – Идите и располагайтесь в гостевых покоях, а вечером жду у себя, на званый ужин в вашу честь.

Штаб пришел в движение, воеводы и маги бойко друг с другом переговаривались, проходя мимо к выходу, внезапно среди гомона голосов Твердислав невольно услышал разговор, пока остановившись, дожидаясь окликнувшего его Градимира.

– Когда ты отбываешь? – спросил незнакомый маг Агриппу.

– Через пару часов, – басил громогласный воевода. – Берест и так долго без меня, неравен миг, послы перегрызутся меж собой.

Маг усмехнулся, стоя к младшему Словичу спиной.

– Тогда в путь, старый друг, мне ещё нужно вернуться и довести до северного оплота Словича, – Агриппа обнял мага за плечи и поволок из тронного зала.

– В таком случае, не будем терять ни минуты, мне никогда не нравились ваши велизарные кони, уж лучше по старинке, да и... – голос воеводы растворился в общем шуме, а Градимир приблизившись, хлопнул его по плечу.

– Ну что застыл, словно в гостях! – дружелюбно молвил он. – Пойдем, покажу твои апартаменты, – и братья направились к выходу, весело хвалясь предстоящими назначениями.

Бурун-хан

«Странно. Почему нас не атакуют?» – въезжая на опустевшие улицы Утес-улы, Бурун-хан никак не мог отогнать тревожное чувство.

Северяне полны сюрпризов.

Где их приграничные армии?

Две с половиной тысячи воинов, которые встретили ханов войска в поле не в счет, но, похоже, именно благодаря этим самоубийцам, жители приграничной ярмарки успели скрыться в степи, а вот защитникам не удалось.

Хан с удовлетворением напомнил себе, как это было.

Визар-буруны, закрутив карусель, три дня в подряд истребляли укрывшихся за щитами воинов словян, пока не уложили всех, а потом зарубили кинувшихся в последней и безумной атаке несколько десятков, уцелевших под градом стрел, фурий.

Лучше чтобы это было всё, чем словяне могут сейчас ответить.

Должно быть так.

Так Бурун-хан пытался себя успокоить.

Но руки продолжали дрожать.

Если не всё, то на улицах города и в проулочках, пхазар ожидает страшный бой, и если подобное произойдет, ярмарку придется спалить и вернуться домой с пустыми руками, но сопротивления не было.

Город пал.

Воины мародёрствовали, разрезая закрытые амбары и доставая оттуда, припасенные для торго, товары. Дома, питейные заведения, гостиницы, всё было пусто, лишь небольшая часть западных и скифских купцов осталась, в покинутом словянами городе и теперь, дабы сохранить своё имущество от оголтелых визар-бурунов, добивалась аудиенции.

Бурун усмехнулся.

Посмотрим.

Но вначале в шатёр. Хочу отдохнуть.

С момента вступления в ярмарку, Бурун отдал приказ грабить всех, кроме скифов и финикийцев, с которыми не желал ссоры, ему и северян вскоре будет достаточно, но вот где сбыть рабов, коих планировали привести несчетно, это считалось главным вопросом. Для сего подходили временные союзники Финикийцы и бронские купцы, посему, пока и тех и этих не выпотрошили визары, торгаши испросили величайшей аудиенции и ждали снаружи шатра.

Хан поел сытно, получил доклады от тумен-баев о продвижении войск по городу и текущей обстановке, полюбовался завораживающим танцем любимой наложницы и наконец, решил поговорить с торгашами.

Слуга принёс очередную пиалу с чаем и хан, отпив немного, закрыв глаза, дал себе минуту покоя и наслаждения, перед разговором.

Я взял Утёс-улы...

Рядом с Буруном, по обыкновению, возвышался визар-садд-Бора, точнее, шпион хана ханов, так называемого Бора-хана, владыки столицы пхазар – Туман-сарая.

– Ну, – подтолкнул хана к решительным действиям, саддаккар. – Долго ещё будешь мурыжить? Скоро визары вконец их ошпилют и не найти после добро наших, так сказать партнеров. Если решимся вести с ними торговлю рабами, то действуй сейчас, пока не поздно, или ты передумал?

Бурун нарочито медленно отпил из пиалы чай и пригладил усы.

– Во-первых, не наши, а мои визары. А во-вторых, я решу с кем торговать пленниками, а с кем нет.

– Засунь свою гордость куда подальше Бурун-хан! – прогремел личный телохранитель хана ханов. – Великий хан мне совершенно ясно дал знать, что войско общее нашего государства, и идет сюда лишь с одной целью, и не я её озвучил, а ты. А вот как этого добиться, уже в моей власти, и если в своих амбициях ты, западных хан, зайдешь слишком далеко, то я остановлю тебя именем Бора-хана!

– Ну-ну, – немного сбавил обороты Бурун. – Остынь саддаккар.

Махнув нукеру, хан повелел впустить чужеземных купцов.

Полог приподнялся, и в шатёр вошли трое иноземцев, судя по одежде один финикиец, второй из вольного города Бронск, а третьего хан не узнал.

– Кто ты? – спросил Бурун. – Чьего рода-племени?

Торговцы разулись и присели, а незнакомец ответил.

– Я имею честь быть сыном Стана полей, великой столицы кочевого племени Брутов из триморья.

– А-а-а козопасы, – усмехнулся хан. – Ну, говорите торгаши, чего вы хотите у меня выпросить?

Первым ответил финикиец.

– Мой народ богат и славен, нам нечего делить друг с другом. Мы никогда не забирали ничего друг у друга, продолжатся ли эти славные времена? – хан утвердительно кивнул.

– Павильоны с вашим гербом мы не станем грабить.

Торговец низко поклонился.

– Прошу и наше добро не изымать о великий хан, – взмолился брут, – ибо вижу я хорошие перспективы в нашей торговле пушниной и рыбой, козым мясом и рожью.

– Этого мало козопас, – усмехнулся Бурун. – Все твоё, моим повелением, отдано визарам, и никому не дозволено лишить их добытого в набеге!

Торгаш-брут сильно забеспокоился, а вот бронский напротив, смотрел бесстрашно и с вызовом. Хан велел теперь ему держать слово.

– В отличие от своих коллег, – начал брончанин, – я не испытываю иллюзий по поводу своего товара. Я ведал, куда шел, и знал риски, кои мне предстоят. Но выгода, которую я смогу

тебе предложить, не только покроет все твои затраты на сей поход, но и даст тебе то, чего ни у одного хана не было с начала времен.

– И что же это? – заинтересовавшись, спросил хан.

– Лугггород, – коротко ответил тот. – Я могу его вам дать.

Бурун и саддакар взволнованно переглянулись друг на друга.

– Говори! – велел визар-садд-Бора.

Торговец вновь поклонился, от него не укрылись алчные взгляды кочевников.

– Ваш набег, скорей всего, продлится недолго, я бы сказал ровно до того момента, пока рати двух оплотов «Дальнего» и «Росток» не придут, чтобы вас сокрушить, и они разобьют, если не сделать одну вещь.

– И какую? – спросил в нетерпении хан.

– Сначала обговорим наши условия, – нагло ответил брончанин.

Недолго думая саддакар вынул саблю, обезглавив сидящего рядом брута, а затем медленно подвел лезвие к шее наглого торговца.

– Вам не запугать меня, – также спокойно ответил брончанин, глядя в глаза хана. – Повторяю, я знал куда шел.

Хан подал сигнал, воин, вложив сталь в ножны, вернулся и встал рядом.

– Слушаю, – проговорил Бурун, отпив из пиалы.

– Благодарю мудрейшего из ханов. Условия Бронска просты. Все рабы, добытые в этом походе, будут проданы через нас, – хан приподнял бровь. – Цена договорная по факту торга тут в Утес-Улы.

– И откуда у тебя столько золота? – спросил хан.

– Из вольного города, разумеется, – развел руками торговец. – Но это ещё не все. Рабов погрузим на корабли в вашем порту Бахчи-сарай, вы беспрепятственно дадите это сделать. Мы уже обговорили логистику с финикийцами, а они продадут рабов тем, кому невольники очень сильно требуются.

– И кто же это? – вконец, обалдевший от подобного делового и беспринципного торга, спросил саддакар.

– Это в условия сделки не входит, – также нагло отозвался брончанин.

– Я с нетерпением жду вашей части нашего договора, – злобно ответил хан. – И если, она хоть на йоту не будет мне столь интересна, чтоб я забыл о твоей несусветной наглости, что ты тут проявил, то я обезглавлю тебя. Хочу, чтобы ты это уяснил, прежде чем начнешь, и раз тебя не запугать, то благодаря тебе, вольный город станет мне врагом на все времена.

Торгаш сглотнул, но продолжил также смело.

– Значит, нужно этого не допустить. Так вот, что мы, собственно говоря, предлагаем...

Бурун остановил грабеж ярмарки, как пообещал торговцам, двинувшись с визарами на восток. За городом, к ханову войску присоединились, по меньшей мере, двенадцать тысяч разного рода наёмников, в большинстве своём состоящих из скифов, были даже западные рыцари, служившие ранее в охране у брутов, немного финикийцев, и пару сотен брончан, словяне все как один предпочли плен предательству. Данный факт, вызвал у Буруна искренне восхищение, тем не менее, пленники теперь товар, а у хана есть кое-что важнее. Все существо изнемогало от полученного предложения.

Неужели это осуществимо?!

Армия растёт, и когда он подойдет к большому городу, то малая орда увеличится в два с половиной раза, а это уже сила!

Неужели время настало?

Теперь нужно определиться, кого взять к себе на подмогу, когда Бурун решит продолжить, да именно определиться, а не предлагать воздух и пыль, как любят делать ханы. То, что

он вскоре обретет, станет неимоверно весомее, чем все то, что сейчас есть у других ханов, и когда они сие поймут, то сами станут набиваться ему в союзники, как делают это сейчас мелкие отряды наемников, почувствовавшие легкую добычу. Пока же Бурун направил доверенных воинов собирать клан, на долгий и невероятный по успеху поход на север.

Впереди был большой город словян.

Впереди был Луггород.

Градмир

На третий день, утром, после приезда дяди, княжич вышел на тренировочное поле и принялся тягать железо. Спустя несколько минут, после начала появились двоюродные братья. Твердислав, стал поднимать пудовую гирию, а Ярополк повис на турнике, делая жим. Вдоволь разогревшись, братья присели на длинную скамью, вытирая пот полотенцами.

– Хорошо тут у вас, – усмехнулся Ярополк. – Солнечно.

– А что тебе дома солнца мало? – удивился Твердислав.

– Конечно, – пожал плечами тот. – Только подумай, когда тучка зацепится за пик Кладезя, и начнет плакать, дождь не кончится пока она не облегчиться и не перемахнет через первую кряхту.

Старшие братья дружно рассмеялись.

– Не вздумай при Волиборе подобное сказать! – вытирая слезы и успокоившись, молвил Градмир. – Иначе он прилепит тебе ярлык нехороший. Ума у него хватит.

– Кстати, отчего Волибор какой-то злой? – спросил Твердислав. – Тебе не кажется?

– Тоже мне новость, – протерев лицо, ответил княжич. – Он недавно меня мужеложцем обозвал из-за того, что я хрюню себя для той, одной единственной.

– А ты? – удивленно спросил Ярополк.

– Ну а что я. Дал ему по щам. Жаль только, велизарные подле находились, иначе быть ему щербатым до конца времен! – братья дружно рассмеялись.

– Отцу сказал? – спросил Твердислав.

– А зачем? Отец любит его всей душой, я не стану тем, кто разобьет ему сердце.

– Благородно и глупо брат, – ответил Твердислав, положив руку на плечо Градмиру. – Князь узнает, так или иначе.

– Но не от меня.

– И не от нас, – заверил Ярополк.

– Кстати, я тоже грешен Градмир, – усмехнулся Твердислав. – Я познал усладу, а Ярополк нет, он предпочитает тренировки, даже фурию одолел однажды.

– Да она уже в отставке была, – отмахнулся младший.

– И не приглянулась тебе? – пошутил Градмир. – А ты в курсе, что, не взяв её, оскорбил?

– Вот уж дудки! – чуть не икнул Ярополк. – Ма подсказала, чтоб я принял «старушку» в свою личную стражу. Это даст ей возможность искупить свой, так называемый, позор.

– Не та ли это рыжая бестия, одним ударом сбившая с ног моего лютого новичка. Как же его имя? – задумался княжич. – Ах да – Узан.

– Прямо Пузан! – рассмеялся Твердислав.

– Ну да это она и есть, – смущенно молвил Ярополк.

– Тем славней победа над ней, – похвалил княжич, – и твои разумные действия, после.

– Приходится, – вздохнул младший, – я ж не Твердислав «распутник»!

Старший брат схватил младшего и повалил наземь, приговаривая, что уши оторвет, за насмешку, и все это было как-то добро, их отношения меж собой, не то, как себя ведет Волибор, и словно ветром придуло, тот появился, выйдя из терема. Братья продолжали борьбу.

– Смотрю в грязи вам валяться не впервой! – пройдя мимо, зло сказал Волибор. Затем вынул тренировочный меч и, подойдя к «лютому», несущему ночную вахту, приказал. – Доставь меч Морнэон, сейчас мы покажем этим грязнословам из Камнегорска, как нужно фехтовать по-взрослому.

– Попридержи язык Волибор, – вступился княжич. – Ты о наших братьях говоришь.

– А иначе что? – бравируя мечом, усмехнулся он, – и меня в грязи вымажешь? – младшие Словичи прекратили бороться и, отряхнувшись, застыли, не зная как среагировать на сказанное.

– Лишь твой язык, ему самое место в грязи! – вставая, сказал Градимир.

Твердислав подошел и схватил его за руку, не давая двоюродному брату кинуться врукопашную.

– Пойдем брат, умоемся, да чаю выпьем. Солнце встает.

Градими́р не сводил взгляда со среднего брата, ещё хоть одно бесовское слово, и он был готов кинуться вперёд, даже не имея в руках стали. Видя растущее меж братьями напряжение, Морнэон приготовился действовать, взявшись за рукоять меча, но двоюродный брат настоял на своём, и Словичи, развернувшись, медленно пошли прочь.

– А ты в курсе какую дивчину мой старшой братец обхаживал? – иронично спросил Ярополк, и, не дождавшись ответа, показал объём её талии. На что вся троица вновь закатилась веселым дружеским смехом, шагая назад в терем. «Лютый» же, взглянув на время и не подумав поклониться монаршей особе, ушел вслед за Градимиром, оставив злого Волибора одного.

Кингсбург – столица западного королевства

Огромный океан бушевал, волны набегали одна за другой, разбиваясь о защитный мол. Скоро настанет время зимних штормов, тогда об экспедиции на восток продеться забыть, во всяком случае, на какое-то время. Внутри королевской бухты сотни кораблей армады сгруппировались борт к борту, крейсера и галеры, бриги и шхуны, все ютились в тихой заводи, как сельди в бочке. Если шторм усилится, то придется все это добро вытаскивать на берег, иначе корабли просто-напросто разобьются друг о дружку.

Кто бы мог подумать, что один-единственный удачный поход, за третье море, принесет столько дивидендов. Помимо узревших мощь, Объединённого Западного Королевства, Финикийцев, королевским силам удалось закрепиться на дальнем песчаном берегу рыжебородых и взять город Латаку. Сама по себе победа, достаточно неожиданная. Латака хорошо укрепленный город порт. Эти кочевники всегда граничили с его древней родиной и, частенько, помогали в тех или иных компаниях, неплохо на этом зарабатывая. Теперь рыжебородые враги, они не пришли на помощь в трудный час и с них должок. Пока что это будет Латака, отобранный анклав станет тем рубежом, с которого, он король всех королей Георг Эйлестер первый, планировал воздать старым врагам по заслугам. Однако, до этого ещё далеко, нужно разрастись больше, подкопить силы и создать армию получше, чтоб не вступить в войну, к которой он не готов.

За последние сотню лет Георгу удалось покорить все вольные города на побережье океана.

Да это была славная компания.

Если припомнить, то на начало формирования королевства, а это тысячу лет назад, у Георга было лишь две сотни акров в Африке, и пятьдесят в Триморье! Столько вольные города выделили земли, бежавшему от истребления народу, и это на сорок тысяч человек!

Очевидно, что такое количество новых ртов, неизвестно кому верных, было не нужно вольным королям и те, в насмешку, бросили беженцам кусок ненужной никому земли, на котором и сотне человек тесно, не говоря, о сорока тысячах.

Владыки городов, в обмен на землю, приказали Эйлестеру охранять Триморье от диких варваров Африканских, и им было плевать, на судьбу Георгова народа.

Король усмехнулся.

«Да начинать всё заново, сложно».

Ближайшим к Африке расположился вольный город Мальтор – гигантский порт на берегу Печального моря. Построенный на перешейке меж Триморьем и Африкой, этот величественный город стал первой жертвой, вероломного, Эйлестера, но не сразу. Вначале, Георг разобравшись с дикими африканскими племенами, ассимилировав их. Новая кровь, именно то, что нужно было ему, измотанным долгим переходом, и войной людям. Плюс он получил земли и увеличил свою армию втрое.

Но как мы понимаем, шесть тысяч воинов против полумиллионного города или семи миллионной страны, это капля в море, поэтому Георг приступил к развитию полученных земель, воспроизводству собственного населения, и развращению Мальторского королевства.

Через пять десятков лет вспыхнул бунт.

Георг всячески поддерживал противостояние мальторцев не один век и однажды, призванный простым мальторским народом, да заручившись поддержкой нескольких влиятельных лордов Мальтора, Эйлестер, под миротворческими знамёнами, вошёл в вольный город.

Война закончилась тотчас, но цена этому была полное уничтожение населения Мальтора, после чего лорды союзники склонились в благоговейном трепете и ужасе перед, некогда «босым», чужаком из далёких краёв.

Так Георг вновь стал королём.

За этим последовала длинная и долгая объединительная компания, следующим пал Тиакан – город золотого народа, за ним Бульовиль, потом Кросс-дер-кант и многие другие, пока против Кингсбурга – новой столицы Западного королевства, не остался последний вольный город Элларий, ныне переименованный в Шторн. Георг подкупил второй по злату род эллариев и теперь те стали Шторнтонами, верными псами короны, а последний король вольного города, убит и будет предан забвению.

И вот, когда города одиночки пали, перед Георгом стоят Арии. Точнее королевство, многомиллионное, хорошо развитое, с древними традициями, сильное королевство.

Они безжалостные воины, и в эпоху покорения вольных городов, не гнушались грабить, тогда юное Западное государство, когда то, слишком близко подходило к Межземью – полосы диких земель, в глубину от трёхсот, до восьмисот лиг.

Межземье, в Триморье было гарантией, что великие земли не вцепятся друг другу в глотки, ибо вольные города и Арии всегда соперничали меж собой. Объединённое западное королевство (ОЗК) стало преемницей политики вольных городов, и Георг понимал это. Теперь именно арии его противник номер один.

Он прошелся по стене, осматривая нанизанные на пики головы своих врагов, теперь уже оголённые временем черепа. Казалось, совсем недавно, эти вольнодумцы и вольные градоначальники сомневались в его власти. Они плевали на право править ими, и считали себя королями на землях, кои ему приглянулись, за что собственно и поплатились. Теперь же никого из них не осталось, и в королевстве наступил мир.

В объединённом королевстве.

Спокойствием Георг распорядился с умом, он долго играл роль эдакого радетеля, за судьбы сброда, полностью овладевая сердцами и чаяньями черни. Он дал много свободы, дабы увеличить численность подданных, и вот сегодня, каждый крестьянин в государстве владел

землей, где выращивал хлеб и скот, мастера кузнями, где трудились вольнонаёмные работники, а древняя знать ещё и рабами.

У каждого гражданина было по три жены, к тому же, если они отдавали своих незаконнорождённых, нагуляных от трактирных шлюх, детей в армию, то и наложниц столько, сколько каждый из них сможет прокормить. Некоторые ублюдки, законных граждан, не добившиеся успехов в армейской службе, отправлялись на каторжные работы, где им обещали право гражданина и вольную, однако, большинство так и умирали с верой в эту химеру, ведь быт их был немногим лучше рабов, с которыми они трудились.

Георг многое затеял на ближайшие десятилетия, помимо флота, который построили для него рабелепные финикийцы, в ряды западных войск время от времени вливались свирепые Винги, жаждущие наживы в непокорённых диких просторах Межземья. Они сильные воины, да и не жалко их в дальних и карательных походах. Его же лорды постоянно напоминали о своем происхождении, некоторые корнями с древней родины, но большинство с вольных городов, они то и не давали забыть о своих правах на западный трон, который греет, как некоторые из них считали, безродный африканский узурпатор, истребитель Мальтора.

Некоторые пытались банально устранить короля, и, провалившись, пополняли ряды рабов, а их жены отдавались войскам для утех и собственного разумения. Мало кто из подобных супругов заговорщиков выживал после этого, но тем, кому сие посчастливилось, рожали ублюдков, и множили тем самым низкооплачиваемых рабочих.

В тронном зале все было готово, об этом доложил подошедший младший сын Кристофер, рожденный от Леди тысячи озер, последней законной супруги Эйлестера. Если честно, Георг не ожидал, что в этом столетии у него будет больше двух сыновей, но пятнадцать лет назад случился сюрприз, сотая жена понесла и благополучно разродилась, не в пример остальным девяносто шести, приносивших лишь мертворожденных.

То ли гены, то ли сам уклад, в котором жила озёрная леди, но Кристофер был несколько мягкосердечным, казни не доставляли ему удовольствия, от пыток его воротило, а когда Георг приказал взять связанную юную дочь одного из назначенных правителей вольных городов, Кит отказался.

Тогда король, грешным делом, предложил сыну её плененного брата, после чего младший сильно оскорбившись, пропал на целый год и лишь восемь дней назад вернулся в Кингсбург. Король смерил сына презрительным взглядом и, кивнув, направился в тронный зал, Кит шагал следом.

– Как долго ты ещё будешь называться фамилией матери? – просил Георг.

– Уэндемы древний и славный род, такой же как Эйлестеры, – дипломатично ответил Кристофер. – Тем более старшие братья и наследники уже носят твою фамилию, зачем мне влезать в наследные права на трон?

– Хочешь стать лордом Уэндемом? – остановившись, спросил отец. – Если так, то ты более не будешь принцем Эйлестерским!

– Я не возражаю, – тихо ответил Кит.

Георг с отвращением посмотрел на младшего отпрыска.

– Неужели кровь этой болотно-озёрной кобылы взяла верх! Где мой дух в тебе! Где огонь Эйлестера! Ты не берешь что своё. Отвергаешь радость казни, золото тебя не прельщает, а насилие не будоражит твоё естество!

– Она моя мать, – спокойно ответил Кит, проигнорировав все остальное.

– Если бы я не знал, что твоя мать, когда я её обрюхатил, была непорочна и до родов находилась под замком, то ни в жизнь не повел в то, что ты мой! – по лицу сына промелькнула улыбка, и Георг смачно ударил сыну в челюсть. Кит упал. – Не забывай кто перед тобой юноша. Я живу гораздо дольше, чем все остальные вместе взятые! Я вижу тебя насквозь!

Сын вытер алую кровь с разбитой губы и поднялся.

– Да отец. Ты мудрейший из нас.

Георг презрительно сплюнул, так и не увидев трансформацию сына в голубые крови. Кристофер продолжал оставаться жалким отрепьем, тем, кем были все остальные, включая, кстати, и других принцев, кроме первородного.

«Такой мне не нужен», – подумав, фыркнул король и направился в зал, а Кит, тяжело выдохнул от облегчения и, словно пленник, побрел следом.

Трубы громом возвестили появление короля, свита и знать наклонилась в почтительном поклоне. Георг вошел с балкона в сопровождении пока ещё принца Уэндемского. Старший сын и наследник Виллберт Минесский, что-то тихо проговорил среднему Освуду Гембгскому и они, еле сдерживая смех, почтительно поклонились своему августейшему отцу повелителю. В отличие от младшего брата, принцы уже обзавелись землями, дарованными королем в рубежных с диким краем областях, таким образом, и очевидно, отец в их лице получал готовых сорваться с цепи псов, желающих расширить свои небольшие на сегодня территории и хоть как-то по величию, приблизиться к августейшему прародителю. Однако их ждала та же судьба что и первого сына бессменного короля, породившего новую династию Маргеманов. То было жестко оговоренная территория, с неизменными на протяжении всех тысячелетий границами.

Даже сейчас спустя четыре столетия, после смерти первого принца, дарованные ему земли, ни на йоту не изменились, хотя надо признать, попытки переломить эту данность имелись.

Как бы то ни было, король величавой походкой проследовал мимо знати и, поднявшись на постамент, занял по праву принадлежащий ему трон.

Наступила тишина.

Все ожидали слово Георга, и лишь Кит, тихо протиснувшись меж старших братьев, встал у них за спинами не в силах выносить эту помпезность.

– Оданион, – призвал король герцога Маргеманского. Тот вышел из толпы, преклонив колено. – Твой род давно просит новые земли, это так?

– «Как будто он не знает», – подумал Кит.

– Это так, Ваше Величество, – покорно сообщил герцог.

– Я переосмыслил вашу роль в моей новой компании, – медленно начал король. – Ваша заслуга при взятии пустынной Латаки, говорит о возможности использовать вас как увещателей варваров в диких землях, куда скоро двинется Наше войско.

– Быть полезным Его Величеству, честь для нашего дома, – заискивающе ответил Маргеман.

– Хорошо, и помни Оданион, это последняя возможность для твоего рода возвыситься. Я в отличие от вас, не забыл про бунт двухсотлетней давности.

– И мы приняли справедливую кару из рук вашего сиятельного величества, – залебезил герцог.

– Более наказаний не будет. Я истреблю вас, если станете бесполезны, тем более что ваше сношение с другими знатными семьями и так сильно разбавило мою кровь. – Маргеман продолжал стоять склонившись. – Кстати, – король посмотрел на младшего сына и осведомился у герцога, – если я прикажу взять силой деву, что ты ответишь?

– Лишь спрошу сколько раз, Ваше Величество, – король громко засмеялся и осмотрел толпу знати. Найдя там новое лицо, он вызвал цветущую деву предстать перед собой.

– Кто ты? – спросил Георг.

Незнакомка, испуганно озираясь, молчала.

– Это моя жена, – произнес вышедший из толпы посол Финикии.

– По одежде видно, – выкрикнул Виллберт, – точнее, по её полному отсутствию.

Действительно, на финикийке была лишь белая туника, да сандалии.

– Возьми её Маргеман, – громко приказал король. – Три раза чтоб не надрываться, – словно по команде, по залу прокатился смех, посол замер не в силах поверить в происходящее. – Ты против, финикиец? – удивился король.

– Нет ваше Сиятельство, мы рады услужить нашему союзнику! – раболепно гнусавил посол.

– Тогда смотри, – Георг жестом велел герцогу начинать.

Тот подвел финикийку к столу и, развернув, жестко взял её сзади.

– Да я помню ещё те времена, – с вождением глядя на соитие, говорил король, – когда в моих залах творилось всеобщая страсть, и это было славно! Мужики брали тех, кого хотели и когда того желали. Теперь же посмотрите на себя, вы обвешаны золотом словно вымпел, к тому же, чтобы докопаться до дамской лагуны нужно поднять с дюжины юбок да порвать панталоны!

Хохот и смех вновь разнеслись по тронному залу, лишь юный принц безмолвно стоял в этой вакханалии разврата, да с жалостью смотрел, как порочат добрую женщину.

Отвлекаясь от созерцания за пыхтящим герцогом, король вызвал своего наследника принца Виллберта.

– Сын, завтра ты отправишься в свои земли и соберешь карательный отряд, – наследный принц низко склонил голову. – Мне нужны новые рабы, а тебе территории.

– Насколько дозволено углубиться в дикие земли? – уточнил Виллберт.

– Покоришь столько, сколько сможешь удержать без моей помощи.

– Да отец, – широко и алчно улыбаясь, наследник поднял голову и взглянул на августейшего родителя.

– Освуд, у тебя такая же задача, – обратился Георг к среднему сыну, тот поклонился, стоя в толпе. – Впрочем, как и у тебя Оданион Маргеман, – герцог продолжал вдалбливать жену посла в стол и, запыхавшимся голосом, поблагодарил короля. – Ну, хватит уже! – с отвращением остановил соитие Георг. – Никакой радости нет, она хоть бы посопротивлялась что ли, ради приличия!

– Похоже, ей это нравится Ваше Величество, – надевая штаны, ответил Маргеман. – Женское лоно взмокло, если не возражаете, я уведу её отсюда, чтоб не досаждать Вашему взору, и продолжу то, что начал.

Король внимательно посмотрел на обалдевшую от удовольствия финикийку и жестом велел им удалиться. Маргеман схватил свою добычу, затем поволок в совещательную комнату, закрыв за собой дверь, под всеобщие одобрительные выкрики и лицемерные улыбки. Через минуту из комнаты стали доноситься довольные женские вздохи.

– А он не промах, этот герцог, – усмехнулся Освуд.

– Что сам её хотел объездить?! – съязвил Виллберт.

– Хватит, – прервал их король. – Удовольствие не должно мешать делу, – сыновья низко поклонились. – Ступайте и готовьтесь.

– Да отец, – хором ответили принцы, затем быстрым шагом удалились.

– Кристофер! – младший сын вышел на середину зала, преклонив колено перед отцом повелителем. – Теперь ты мой инквизитор. Если не справишься, то пойдешь покорять кельтов.

По залу прошелся шепоток. В кельтских землях за последнее столетие сгинуло пять экспедиций, и никто не вернулся, чтоб рассказать о произошедшем. То была несомненная смерть, ибо общеизвестно – младший сын слабак, и не потянет должность инквизитора, с которой так хорошо справлялся его старший брат.

– Я готов идти отец, – не поднимая головы, сказал Кит.

– Куда? – удивился король.

– На кельтов, – все также смотря в пол, ответил принц.

Что Георгу нравилось в младшем так это стойкость за свои убеждения, во всём остальном, он сердил и бесил сильно.

– Ты отказываешься от синекуры!

– Она недостойна меня! – Кит поднял голову и пристально посмотрел в глаза отца. – Сына великого короля всех королей.

Георг молчал, только что ему поставили пат. Инквизитор действительно должность на любителя, а вот полководец, это как раз для принцев, и если сын решил так закончить свои дни то, что ж. Три наследника это много, останется два, и горевать он не будет.

– Ты в своём праве сын. Сколько у тебя воинов?

– Две тысячи, – по залу вновь пробежал смешок.

Король улыбнулся, когда-то, много тысячелетий тому назад, когда он пришёл в Триморье, у самого Георга имелось столько же, лишь с одним отличием, при нем находилось ещё и сорок тысяч гражданских, переживших долгий африканский переход.

– Хорошо. Это небольшое войско, но все мы когда-то начинали с малого. Каков будет ваш герб лорд Уэндем? – Кит выдохнул. Его только что отпустили на волю. Теперь он больше не принц, теперь он не претендент на престол, теперь он свободен, сердце ликовало.

Юный лорд встал, отвечая своему сюзерену.

– Золотой лев, на зимней охоте.

– Хочешь взять моего крылатого льва?!

– Нет, Ваше Величество, – почтительно ответил лорд Уэндем. – Мой лев обычный, африканский.

– Ну что ж, да будет так, – подытожил король. – Отправляйтесь на войну с варварами кельтами лорд Кристофер и без победы не возвращайтесь.

– Да мой король.

Напоследок, Кит коротко кивнул отцу на прощание, вместо полагающегося по отбытию низкого поклона и быстрыми шагами направился к выходу.

Прочь.

«Прочь из этой грязной, вонючей, погрязшей в алчности и разврате столицы. Уйти, ускользнуть, улететь, туда, где солнце не садится пять дней кряду. Туда где снег лежит на горных вершинах, туда, где ещё помнят древние заветы чести и совести».

Георг проводил сына презрительным взглядом, когда тот исчез, неожиданно для самого себя, король обнаружил поднявшегося к трону Маргемана.

– Как ты посмел приблизиться?! – прошипел он.

– С позволения Вашего Величества имею срочную и важную для вас информацию, – раболепно протараторил герцог.

– Тогда говори.

Оданион приблизился и на ухо прошептал.

– У вашего опального сына восемь тысяч воинов. Шесть из них он оставляет при Вас, интересно для чего?

Георг резко встал, схватив Маргемана за горло. То ли от неожиданности, то ли от страха, но герцог громко бзнул, что вызвало хохот в тронном зале.

– Интригу вздумал плести?! Смерд! – герцог побагровел и еле-еле прохрипел.

– И в мыслях не было растить крамолу против вашего сиятельного величества. Я лишь хотел забрать их с собой в карательный поход, раз новому лорду они без надобности стали.

Король поднял над собой Маргемана, внимательно разглядывая налившиеся кровью глаза. Герцог задыхался, лицо приобрело малиновый оттенок, но вырваться он даже не пытался, лишь кряхтел. Оценив то, что ему полностью отдали жизнь, король отбросил еле живого Маргемана от трона вниз. Тот, плюхнувшись на пол, принялся жадно глотать воздух, пытаясь восстановить дыхание.

– Живи, – фыркнул король, – и в качестве компенсации послу Финикии, ты отдашь ему свою старшую дочь в жены. – Стоявший доселе понурым посланец, созерцавший довольное и

ублаженное лицо супруги, несколько воспрянул духом. – И да, ты можешь забрать себе этих рыцарей, но вместо них отдашь половину своих в мою армию, – герцог с трудом поднялся, хрипло отвечая.

– Как прикажет великий король.

– На сегодня довольно, – проговорил Георг. – Всем лордам подготовить свои войска к походу на дикие земли. Выступаем через тридцать дней.

Приглашенные, и наблюдавшие весь этот цирк лорды, низко поклонились.

Сим

Спустя четыре дня, прибыл лично, тысяцкий Новэя, Зарислав.

Сам инцидент с подачей тревожного сигнала, событие из ряда вон выходящее. «Каменный рубеж» несколько тысячелетий нёс службу по защите Просторных Земель от кровожадных тварей, обитавших по его южную сторону. Да случалось так, и разведчики погибали, но ранее из этого трагедию не делали, однако красная ракета выпущена впервые со времён строительства рубежа.

Тысяцкий Орлик, в чьём подчинении была гарнизонная башня 88, уже три дня допрашивал как Сима, так и протрезвевших дозорных. Те отрицали сам факт пьянства, не говоря о том, что был подан тревожный сигнал. Возможно, и скорей всего, они искренне верили в то, что Симу все это почудилось, однако сармат стоял на своём перед трибуналом. К этому моменту отряд, посланный Орликом к месту трагедии, уже вернулся, и командир докладывал об увиденном, а Сим с азартными ратниками, молча, стоял и слушал.

– ... лес сильно обгорел после взрыва. Разведчику Муру была выдана штатная оснастка, где помимо разных «Сигналов», имелись восемь капсул с «синим пламенем», поэтому от тел мало что осталось. Следов битвы мы не нашли, как и иных других признаков нападения. Фрагменты указывают, что их было двое с тремя лошадьми. Могилу третьего мы нашли в двадцати верстах к стене, от того места, когда вертались назад по их следам. Что заставило разведчиков подать красный сигнал мне выяснить не удалось.

– Свободен, – угрюмо молвил Зарислав.

Командир развед-отряда поклонился и вышел из зала.

– Возможно, они напились? – предположил член трибунала, сотник Широкий. – Именно это и стало причиной гибели?

– Нет! – стукнул по столу Орлик. – Я Сыча лично знаю! Не первый год служим, он не станет пить на разведке, да и вообще пьёт мало, – и немного погода добавил. – Точнее пил...

Зарислав изучал Сима.

– Скажи мне сармат, – прищурясь, уточнил он. – Сигнал взлетел после взрыва?

Сим ответил, не задумываясь:

– Раньше секунд на пять-семь.

– То есть ракета уже висела, а затем грянул взрыв? – уточнил Зарислав.

– Именно, – подтвердил свои слова Сим. – Я уже трубил в рог, когда заметил всполох в джунглях.

– А вы, – обратился тысяцкий к дозорным, – хорошим зрением обладаете? – Не услышав подвоха, воины четко ответили «Да!» – В таком случае плетей им! – медленно встав, грозно молвил Зарислав. – Прилюдных! Чтоб весь 88-ой гарнизон видел! А с этим, – указал он, на смело глядящего сармата, – я ещё не закончил.

Сим даже не вздрогнул и не бросил тревожного взгляда, лишь презрительно осмотрел трибунал, все четверо пристально его изучали. Орлик потупил взор, не выдержав укора, Зарислав раскраснелся, Широкий, прятал довольную ухмылку, но вот второго, прибывшего с тысяц-

ким из Новэя, сармат не знал. Незнакомец преклонного возраста в командирской кольчуге смело смотрел ему в глаза.

– Будешь продолжать настаивать на своём? – как-то вкрадчиво спросил незнакомец.

– Я не отступлюсь от правды, – громко ответил Сим. – Даже под плетьюми.

– Широко проследи за исполнением наказания, – приказал незнакомец, и сотник, поклонившись, вышел, позабыв с тонким намеком собственную плетку на столе.

В зале осталось четверо.

Незнакомец поднял плетку и, осмотрев её, указал Зариславу на вплетенные в кожу стальные нити, укоризненно покачав головой. То, как внезапно тысяцкий изменил настроение, насторожило Сима, Зарислав вновь присел за стол и предложил тоже, самое ему. Сармат грохнулся на стул, давая затекшим от четырех дневного стояния коленям, отдохнуть.

– Устал? – как-то добро спросил Зарислав, Сим пожал плечами.

– Дело привычное.

– Как долго парил «сигнал»? – уточнил незнакомец и пока Сим подсчитывал в уме время зависания, сам же ответил. – Да, да, вижу десять одиннадцать секунд, а это говорит о выверенном вертикальном запуске. – Сим насторожился. – К тому же, если бы разведчики допустили халатность, то и другие сигналы бы появились, а их с десятков, ведь так? – тысяцкие подтвердили вопрос короткими кивками. – В любом случае, раз не один из сигналов не взлетел над кронами, могу судить, что детонация произошла совместно с капсулами и намного позже, после удачного первого запуска. Моё мнение таково. Сыч целенаправленно подорвал себя, к тому же потеряв одного из отряда, оставшиеся на все сто процентов сохраняли бдительность, в этом сомнений нет. Как их и нет в том, что после потери лучника, разведчики продолжили выполнение поставленных задач, а это уже говорит о чистоплотности и верности уставу. Считаю, имело место нападение, но вот кого? Это нужно выяснить вам, тысяцкие.

– Кто вы? – спросил Сим, изумленный столь тщательному анализу.

– Моё имя Ольшан, – представился маг. – Чародей Новэя.

Сармат о нём слышал, и только хорошее. Один из сильнейших волшебников Чудо-камня, Ольшан вот как четверть века, верно, служит на рубеже и не собирается никуда отлучаться, хотя...

– Может это звери напали на разведку? – предположил Орлик.

– Тогда как быть с сигналом? – уточнил Зарислав.

– Не знаю, – отмахнулся скиф. – Ольшан четко сказал, в джунглях на сто верст вперед разумных существ нет, да и концентрация чудищ не больше обычного.

– Но красный сигнал был! – воскликнул новэйский тысяцкий.

– Возможно галлюцинация, – парировал Орлик. – Ведь лучник, судя по оставленному Сычем посланию у могилы, умер от яда. Вполне допускаю, что и они были одурманены, отсюда и красный сигнал, с последующим подрывом.

– В любом случае, – вмешался маг в разговор, – оснований для возврата «Каменного полка» нет. Деян выступает завтра, и я даю добро.

Сима словно плетью хлестанули, он собиравшийся было крепко уснуть от усталости, но вместо этого, с криком вскочил:

– Так нельзя делать! Ужас грядёт к нам из-за стены! Как вы можете этого не видеть?!

Все трое на него посмотрели, качая головами. Зарислав велел сармату идти отдыхать, прервав, так сказать, подслушивание рядовым совещания высших командиров и проигнорировал слова сармата. Последнее, что Сим услышал, было переданное через уста мага назначение Зарислава временным воеводой «Каменного рубежа», пока Деян не вернётся с маневров, а в Новэй назначался какой-то земчанин.

*

Ольшан развеял велизарного скакуна и взгромоздился на предложенного Деяном рысака. Каменный полк удалось догнать лишь за семьдесят верст от Новэя. Войско стройными рядами маршировало на север, в столицу юго-восточного края город крепость Рунд.

Копьеносцы, как и мечники, шли налегке, все оружие двигалось рядом в подготовленном обозе. Конница спереди и сзади, лишь лучники при полной выкладке всегда были готовы сбить, прорвавшуюся через рубеж, крылатую тварь.

– Ну что скажешь Ольшан? – спросил воевода.

– В принципе все спокойно, лишь воины, подавший сигнал и его видевший, вызывают и заслуживают полного доверия.

– Тогда какой вывод?

– Считаю, без тёмной магии тут не обошлось, – задумался чародей. – Возможно, некие силы хотят нас удержать на рубеже.

– Вот-вот, – кивнул воевода, – особенно в свете нынешних событий это выглядит очень странным. Думаешь, пхазары спелись с тёмным магом?

– Если и сговорились, то не с одним, уж больно ладно у них все получается, туман перед Утес-Улы, нападение неизвестных тут. Возможно это звенья одной цепи, лишь всестороннее расследование поставит все дочки над «И», посему из Сибска к Зариславу прибывает его брат Огнебор. Теперь этому чародею поручено расследование данного инцидента. Ну а пока, извини Деян, мне нужно отбыть в другое место, тут неподалёку, – воевода отпустил его.

Чародей прищипорил коня и помчался в голову колонны, там одного мечника первого отряда ужалила змея, пока он отливал в кустах. Да и куснула туда, куда с роду не догадаешься!

Ольшан улыбнулся, но на помощь поспешил.

Оданион

Оданион поправил повязку, которую наложил на поврежденное горло лекарь. В сумраке высокого бука, тени, отбрасывающиеся от кроны, играли замысловатыми рисунками. Облюбованная им лавка, одиноко стояла в тупике садовой аллеи. Тут внутри столичной резиденции Маргеманов, среди пальм, кленов и буков, Оданион находил покой и душевное равновесие.

Невдалеке виднелась беседка, так любимая старшей дочерью Виллой, теперь она долго там не появится, судьба отправила её в руки грязного и бесхребетного финикийца.

Маргемана передернуло от воспоминаний последней встречи с королем. Сколько сил он приложил, чтоб не вырваться из королевской хватки и не вонзить Эйлестеру нож в горло, сколько терпения и лжи понадобилось, чтоб наконец-таки ко двору пригласили его Оданиона, а не калеку отца, увидев в сыне, более интересную для короны фигуру.

То была велика победа.

Но если бы Оданион поспешил, то принцы разорвали бы его на части, и не только его, но и весь род Маргеманский.

Теперь король доверяет ему, не всецело, но достаточно для того, чтобы Оданион мог спокойно плести свой заговор и довести его до логического завершения. Вот только дочь Маргеман планировал выдать за знатного лорда Купера Дафта, что дало бы нескончаемые золотые запасы и огромные возможности, в плане сбора под своими знаменами лютых вингов, для воплощения, задуманного в диких землях Межземья. Теперь, некогда великолепный ход, обернулся позором, план придется немного скорректировать. Ведь все ещё можно поправить и вероятность заполучить огромные ресурсы, ещё не утрачена.

Дафты богатейший род в западном государстве после короля, разумеется, а вот вторыми по количеству войск были Янгвуды, и сегодня их лорд отец должен прийти к Маргеманам для переговоров о женитьбе единственного сына и наследника на младшей дочери герцога.

Взглянув на песочные часы, Оданион уяснил, Роберт запаздывает.

Хотя нет, это не так.

Похоже, ему дают понять, что теперь Маргеманы не столь влиятельны, как были ранее, и будущее родство с финикийцами их позорит, причем сильно.

Оданион согласился сам с собой.

Пора действовать.

Он должен был уж как два года назад стать лордом Маргеманским, но по какой-то случайности отец, упав с лошади и, сломав спину, не собирался помирать, а продолжал жить и стал ему огромной обузой. Да именно обузой, потому как сыну и наследнику приходилось постоянно согласовывать со своим лордом отцом все без исключения шаги, разумеется, кроме тех, о которых сам Оданион не желал никого извещать.

Да, если бы лорд-отец только знал.

Камень, запущенный из пращи, должен был ударить отцу в лоб, и наконец-то закончить его правление самым влиятельным домом западного королевства, но по нелепой случайности снаряд попал в глаз лошади, и та, взбрыкнув, лишь покалечила лорда Маргемана. К тому же Оданиону лично пришлось ликвидировать нанятого для этого дела убийцу, что в принципе вязалось с первым правилом – «никогда не оставлять свидетелей».

Послышались шаги, и герцог прервал свои размышления. По дорожке, ведущей к тупику, появился глашатай, а за ним посланник Янгвудов.

«Ха, не захотел мараться», – подумал Оданион, но никак не выдал сие презрение прибывшему.

– Посланник лорда Роберта Янгвудского, – доложил глашатай.

Герцог коротко кивнул, вежливо поклонившемуся гостю.

– Мой великий лорд великодушно просит простить его, но дела в подготовке войска к походу на восток, не оставляют времени на личную встречу.

– «Да», – подумал герцог, – «ещё неделю назад все эти, высоко взлетевшие древне фамильные лорды, искали с ним встречу, дабы с помощью и при посредничестве Маргеманов возвысится в глазах короля, а теперь его считают недостойным своего круга. Забавно. Забавно. Что они скажут завтра».

– Я принимаю извинения твоего сюзерена, – как не в чем ни бывало, ответил Оданион, – и передаю свой вопрос.

– Слушаю вас герцог, – прервал Оданиона посыльный.

Проигнорировав подобную дерзость и неуважение, за которые можно было не только плетей дать, но и голову срубить, Маргеман продолжил.

– Хочу подтвердить помолвку моей дочери Оливии с наследником лорда Янгвуда, Дагласом.

Посыльный ухмыльнулся.

– С прискорбием сообщая следующее, завтра на приёме у леди Уэндемской, по случаю отбытия юного лорда Кристофера в Кельтскую Даль, мой лорд объявит о разрыве вашего соглашения.

– Воистину прискорбная весть, – развел руками герцог. – Очень жаль, что твой господин настолько не дальновиден, более у меня нет к твоему лорду никаких дел и вопросов. Пошёл вон.

Посыльный, задрав нос, развернулся и зашагал прочь, сходство с Робертом Янгвудом выдавало в нем убудка, нагулянного от какой-то шлюхи, ну или трактирной девки, ибо знатные дамы и близко к себе не подпустят этого вояку с двумя бородавками на лице.

– Вас ожидает посол Эрзац Финикийский, – громогласно сообщил глашатай, а удаляющийся убудок, громко рассмеялся, ускоряя ход.

Герцог махнул платком, велел привести нового гостя.

«Очень кстати», – подумал Маргеман, – «Величие начнется сегодня».

Спустя несколько минут, в сопровождении доверенного рыцаря Уилла Блека, появился посол со своей сиятельной супругой.

«Что же меня так в ней привлекло? – размышлял Маргеман, вожаденно глядя на приближающуюся женщину. – Возможно, её довольно пышная грудь, или округлые манящие сладострастием бедра. Нет. Это что-то иное».

Давненько у него не было такой спелой и сладкой ягодки, возможно, потому что она запретный плод, хотя какая она запретная, в его власти даже сейчас взять финикийку прямо на глазах у мужа. Но это неприлично, и подобная забава сродни лишь с королевским развратом. Нужно действовать тоньше, изящней, что ли. Посол приблизился, отвесив поклон, а супруга склонив голову, безмолвствовала за спиной.

– Чем обязан столь позднему визиту? – поинтересовался герцог.

– Ваш лорд отец призвал меня для аудиенции, – проговорил Эрзац.

– Это мне известно, – отмахнулся Оданион. – Зачем вы здесь?

Посол задумался, взвешивая следующие фразы или последствия.

– Она, – указал Эрзац на стоящую рядом супругу. – Более мне не жена. Я подумал, возможно, вы захотите на прощание ещё раз вкусить её сок? – Оданион приподнял брови как бы в удивлении. – По нашим законам, – пояснил Эрзац, – если её тело более не мой храм, то брак разорван. Она отправится домой, где её обрежут наголо и отправят в храм Венеры.

– То есть, она станет шлюхой? – уточнил посол.

– Если вам так удобнее, то да.

– А вы не задумывались над тем, что она такая же служащая, как и вы, и когда её брали против её же воли, она служила интересам вашего же государства?

Посол отмахнулся от этих доводов, словно от назойливой мухи и как ни в чем не бывало, продолжил.

– Мы скоро породнимся, это главное. В остальном, если вам удобнее шлюху называть – госслужащей с широкими полномочиями, то рассуждайте как угодно, но суть от этого не поменяется.

– Как и не изменится то, что вы не защитили своё, – парировал герцог. – В подобной ситуации я не могу доверить вам свою дочь!

– Как я понимаю иерархию, вы ещё не лорд Маргеманский, а посему права отказать мне, у вас нет, – надменно задрал нос, проговорил Эрзац. – Что же касается ваших обычаев, то мне глубоко на них плевать. Если для того чтобы продвинуть мои интересы будущей супруге понадобится раздвинуть ноги перед чужаком, она раздвинет, и столько, сколько я того пожелаю, а затем я посмотрю расторгать теперь уже этот брак или нет.

«Вот значит, как», – подумал Оданион. – «Финикиец хочет играть грязно! Ну что ж, тогда поглядим, кто кого!» – вслух же ответил следующее:

– Раз у вас нет члена, значит, мне нечего переживать за мою дочь. Мысль, что более достойное семя взрастет в ней, греет мне сердце куда сильнее, нежели наше будущее родство и ваши ублюдки в её чреве.

Лицо посла сделалось красным, и тот выпалил не думая:

– Я не трус в отличие от тебя!

– Правда?! Тогда почему вы как побитая шавка стояли и смотрели, как я кувыркаюсь с твоей супругой?

– Весь зал стоял и смотрел! – повысил голос посол.

– Но опорочили именно вашу жену, – все так же спокойно ответил Оданион. – Трижды! Эрзац сделал к нему шаг и сир Блек, схватился за рукоять меча, говоря, что дальше подходить не стоит.

– Будь мы в Финикии, – процедил посол, – я бы изрубил тебя на куски.

– Будь мы в Финикии, я бы умер, но не позволил при живом муже насиловать жену!

Финикиец в ярости замер, ему нечего было сказать в ответ, похоже, до него дошло, теперь успех нужно закрепить и размазать этого выскочку.

Герцог посмотрел на стоящую за спиной посла бывшую супругу.

– Иди сюда дорогая, – сказал он ей. Та, приблизилась и Маргеман, притянув её за талию, усадил к себе на колени. – Хороша да?! – спросил Оданион, измываясь над гостем жадно осматривая свой приз. Он запустил руку под тунику, сильно сдавив грудь, женщина охнула, ослабив хватку и потерев пальцами сосок, который сразу же откликнулся на нежную ласку, герцог продолжил. – Как тебя зовут дорогая? – Эрзац гневно фыркнул и отвернулся, а она, покраснев, ответила:

– Галатея, – прекратив играть с соском, Оданион опустил руку вниз и проник в лоно.

– Вижу, Эрзац нечасто взбирался на тебя Галатея, раз твой «Храм» все ещё так хорошо запечатан? – дева усеялась мурашками, закрыв глаза от удовольствия.

– Однажды, – ответила она, – и лишь для консумации брака, двенадцать лет тому назад, – дыхание Галатеи участилось, чувствуя её возбуждение, Оданион продолжил ласки, только теперь с сильным нажимом, да так, что лоно принялось изливать влагу безмерно.

– Хочешь сказать, Эрзац или кто-то другой не трахал тебя более десяти лет?!

– Да-а-а-а, – изнывая от страсти, простонала она.

Оданион уже и сам сильно возбудился, Галатея это почувствовала. Соскочив, она высвободила его ствол и, раздвинув ноги, села верхом, пустив в себя естество Маргемана. Её необузданная страсть вырвалась наружу.

«Да, вот что мне в ней понравилось. Пламя, тлеющее под маской целомудрия брака».

Галатея двигалась все стремительнее и быстрее, заставляя любовника ускорить момент «триумфа».

– Хочешь знать, как он брал меня? – нагло спросила Галатея, в порыве страсти не подумав, остановится, когда посол закричит, пытаясь уговорить их соитие. Герцог кивнул. – Эрзац не мог войти в меня без помощи своего помощника, – она немного сжалась над Маргеманом, почувствовав его чрезмерное напряжение, и дав тому отдышаться, замерев в яростном забвении, продолжила медленно, но мощно, двигаться, в такт биению Маргеманового сердца.

Герцог весело рассмеялся, а посол скрючился, словно старик.

– Хочешь сказать, ствол Эрзаца встал лишь тогда, когда ему взад вонзился другой?

Момент истины нарастал, мощные движения любовницы ускорились и Оданион почувствовал, как семя низверглось, и Галатея закричала:

– Да-а-а-а!

Более не в силах сдерживать свой необузданный темперамент, движения Галатеи стали настолько мощны, что Маргеман вновь ощутил давно ушедшее сладострастное чувство, когда он сливался с кем-то, отдавая всего себя, за один лишь единственный миг, когда естество бурным фонтаном жизни, орошает вожаемое и желанное лоно полюбовницы.

Миг пробил.

Изнемождённое сладострастным соитием естество Маргемана, безмерным потоком хлынуло в деву, заставляя питаться собой и ставя жирную точку, о её теперешней принадлежности.

Галатея замерла в крепких объятиях своего нового господина, она опустила голову на плечо герцога, пытаясь отдышаться, а Оданион громко расхохотался.

– Как много можно узнать через постель, не правда ли, Эрзац? – Послу пришлось повернуться, раз к нему обратились. – А знаете ли вы, как мы наказываем мужеложцев? – по побледневшему лицу было ясно, что да. – Так вот слушай меня грязный финикиец, – сказал Оданион, присаживая рядом теперь уже свою любовницу. – Ты ни при каких условиях не прикоснешься к моей дочери. Через год ты заявишь, что был нечестен с нею и расторгнешь помолвку, признавшись в измене непорочной деве, лишь в таком случае я сохраню твой секрет и позволю тебе отбыть в вашу загаженную мужеложцами столицу. Ты меня понял?!

Посол, молча, кивнул. Маргеман зачихнул свой ствол в штаны и далее продолжил светским тоном:

– Более не смею вас задерживать посол, мой лорд отец ждет вас всенепременнейше к себе. Постарайтесь не опаздывать.

Эрзац низко поклонился и в сопровождении Блека устремился в покои на аудиенцию.

Галатея встала, затем нагнулась, чтоб поправить завязки на сандалиях, туника слетела, оголив её вожаденный зад и черноволосую ложбинку меж ног. Маргеман хлопнул в ладоши, глядя на это зрелище.

– Так, время ещё есть, – сказал он и, схватив Галатею, впился в её сахарные губы, вновь отдав себя страсти и наслаждению.

Прошло сорок минут.

Отец, как обычно, будет беседовать с визитером ровно один час, а значит пора. Взяв гостью за руку, Оданион сопроводил Галатею до её теперешних апартаментов.

– Какого ты роду? – спросил он, открывая дверь.

– Я троюродная сестра двоюродного брата младшего царя Клинтаса.

– Насколько знатно это в вашем обществе? – ничего не поняв из сказанного и предлагая ей войти первой, уточнил он.

– Высшая знать, – пояснила Галатея. – Эрзац женился на мне именно для того чтобы получить титул посла. Он из средней знати.

– Ясно. – Маргеман подошел к столу, наполнив две чаши вином из стеклянного кувшина. – Это твои покои. Ты моя гостья и если не возражаешь, то и любовница тоже.

Галатея, сделав маленький глоток, игриво на него посмотрела.

– Ты уже владел мною больше чем мой бывший муж за все годы нашего брака, и после этого ты спрашиваешь моего разрешения?

Маргеман осушил свой бокал, поставив его назад на стол. Похоже, с этой девицей нужно быть несколько честнее, чем с другими, её происхождение в будущем, может ему понадобится для решения отдельных задач.

– Взаимное согласие, – разъяснил Оданион – это то, что нас отличает от варваров. Теперь ты свободная женщина и если примешь мою опеку, то и защищенная. Но я более не возьму тебя как раньше, теперь ты моя гостья и обладаешь соответствующими правами, чтобы там ваши финикийские обычаи себе не напридумывали.

Галатея игриво улыбнулась.

– Хочешь сказать, что сможешь защитить меня от храма Венеры?

– Сегодня многое изменится в моём доме, – уклончиво ответил он. – Кто знает, может быть, завтра ты станешь не просто свободной, но и вновь непорочной в глазах собственных соплеменников.

– Разве такое возможно? – удивилась она.

– Мы живем во времена эпических перемен, никто не знает, где окажется твой зад лет, эдак, через десять, при твоём должном поведении и действиях, разумеется. Возможно, это будет моя постель, а возможно, и финикийский трон.

– Я согласна, – вот ещё одно, что ему в ней нравится, быстрота принятия решений. – Я согласна выступать в твою игру, но при одном условии.

«А умна-то как!»

– Выкладывай.

– Дело отдельно от тела.

– Договорились, – хищно ухмыльнулся Оданион.

– Тогда, чтоб выглядеть твой шлюхой в глазах короля, я буду отдаваться тебе где желаешь и когда ты того захочешь, но если пообещаешь быть таким же страстным как в эти дни. К тому

же, чтоб не пострадал наш тайный союз, ты должен дать мне слово отпустишь меня стразу как я тебе надоем.

Оданион подошел и поцеловал, не веря в то, что ему так несказанно повезло с подобной властной нимфоманкой. А какие возможности открываются! Однако ухо нужно держать остро всегда, пока их интересы совпадают, он не сомневается в ней, но однажды, и нужно не проморгать сей момент, их союз перейдет лишь в деловое русло, если не в предательство.

– Не надейся грязная шлюшка, – прижав Галатею к себе, да схватив жестко за ягодицы, пошутил Оданион. – Ты мне ещё нескоро надоешь. – Она томно охнула, возбуждение вновь начало охватывать готовые к соитию тела. – Мне пора, – отстранившись, сказал герцог. – Вечером жди.

Как говорит, король – «наслаждение не должно мешать делу», и у Оданиона Маргемана сегодня есть наиважнейшее дело. Выйдя из гостевых апартаментов, он приказал ожидавшей служанке быть в распоряжении новой гостьи, а его в случае необходимости, если того захочет Галатея, разумеется, можно будет отыскать в саду на излюбленной лавке. Служанка вошла внутрь, сделав перед финикийской леди книксен.

Все, времени почти не осталось.

Быстрым шагом, направившись в сторону сада, на повороте Оданион свернул в неприметный чулан второго этажа, где за сложенными плетеными корзинами, укрытыми от стороннего глаза, были двери в тайные хода столичной резиденции. По дороге никто не встретился, и он, плотно прикрыв за собой дверь, начал реализацию своего плана.

Этот малый замок Оданион строил сам, поэтому отец не подозревает, что в его комнату ведет тайный ход, сделанный для экстренной эвакуации. Подойдя к нужному смотровому окну, герцог оглядел покои лорда отца, тот явно заканчивал беседу с финикийским послом и выпроваживал.

Блека не было.

Рыцарь остался снаружи, а значит, все должно получиться. Меж тем отец, пытаясь подняться и подать на прощание руку, от резкой боли потерял сознание, и его длань безвольно упала перед протянутой мужеложской рукой. Эрзац обеспокоенно огляделся, немного погодя додумавшись, склонился над лордом Маргеманским, послушав биение сердца. После этого посол встал и перед уходом поклонился, бесчувственному телу, громко произнеся:

– До свидания лорд Маргеман, уверен слияние наших домов будет плодотворным.

«Ха! Как же!» – подумал Оданион, проследив за уходом гостя.

Теперь действовать нужно быстро, несколько мгновений и вернется служанка, до этого момента все должно быть кончено.

Через пять минут, тяжело дыша, он аккуратно прикрыл за собой потайную дверь и сквозь окошечко услышал, как в покои отца постучали.

Времени почти не осталось.

Быстро протиснувшись сквозь узкий лаз, герцог вышел вновь в чулан, где оставил верхнюю одежду, дабы не измарать в пыли и паутине, накинув её, герцог-отцеубийца открыл второй ход, ведущий вниз. Спустившись по винтовой лестнице, Оданион вышел по подземному ходу к беседке Виллы.

Вечерний сад всё также пуст.

Удобно расположившись на излюбленной скамье, пытаясь унять дрожь в руках, новоиспеченный лорд Маргеман достал из кармана текущую корреспонденцию, нарочито делая вид, что всецело ею поглощён и в этот миг прогремел сигнал колокола.

Лада

Лада вот уж как десятый день вышивала старшему брату дорожный плащ из волшебной материи, любезно предоставленной Светозаром. Хоть Градимир и предпочитал аскетизм, как в быту, так и в одежде, но жёлтого грифона она следила. Золото на красном смотрелось изумительно! Лада любовалась своей работой и аккуратно свернула подарок.

Завтра им исполняется тридцать.

Брат возмужал, став опорой отцу, но вот отношение со средним у него очень натянутое. Волибор вошел в тот безумный возраст, когда волей-неволей станет бросать вызов всему сущему, и не только старшему брату, посему Градимир должен понимать и быть терпимее. Однако именно это и не получалось.

Другое дело двоюродные братья. После прихода, младшие Словичи полностью завладели вниманием брата и теперь, вся веселая троица практически не разлучалась. Изредка они навещали её и все чаще брали с собой Олега на те, или иные мероприятия, да и просто так в свою компанию. Волибор же предпочитал одиночество и затворничество, за исключением того времени, когда тренировался на мечях с витязями отца или велизарными.

Лада открыла стоящий рядом сундук. Там, помимо изготовленного для Олега синего плаща, лежал и коричневый для Волибора. Ещё рановато для подобных даров, но, чтобы хоть как-то скрасить одиночество среднего братика, Лада решила и, взяв дар, быстро устремилась в нужную светлицу.

Полдень.

Отец с дядей отправились на охоту, взяв с собой всех, кроме Волибора. Тот отказался, но другим не терпелось вновь пострелять из лука и помахать мечами, ведь десятидневный траур закончен и жизнь продолжается. Она их понимала, радость встречи от долгой разлуки была омрачена трагическими событиями, но единение семьи все же взяло верх. Полностью погруженная в свои мысли, Лада вошла без стука и замерла у входа, не веря глазам.

Коричневый плащ выпал из рук, а вдальблывающий сзади, зарезанную служанку, в кровать Волибор, вскочил и, чертыхаясь, закутался в покрывало.

– Тебя не учили стучаться сестрица?! – переводя дух, спросил он.

Первым порывом было отвернуться, но что она там не видела, в конце-то концов! А вот его поведение, это нужно было срочно пресечь.

– Ты что делаешь мерзавец?! – грозно спросила Лада.

– А на что это похоже? – как ни в чем не бывало, ответил Волибор.

Девушка от стыда, лежа на животе, закрыла лицо руками.

– На насильничество! – вскрикнула княжна.

– Разве тебя насилуют? – спросил девушку Волибор.

– Нет, владыка, – икнув, ответила служанка.

– Вот видишь сестрица, ей нравится, а ты врывается ко мне и обвиняешь в страшных грехах!

– Ишь, какой герой любовник выискался, – поставила руки в боки княжна. – Я тебе сейчас покажу, как девок-то портить. Кто ты? – обратилась она к девушке.

– Авдотья, – всхлипнула та.

– Вставай, одевайся и уходи, – приказала Лада, поднимая плащ и вытаскивая спрятанный кожаный ремень. – После явишься ко мне.

– Лежать! – тоном доселе Ладой неслышанным, приказал Волибор.

Девушка застыла, так и не решившись встать и ретироваться.

– А ты, дражайшая сестрица, знай своё место!

Лада бросила подарок, так и не достав ремень, вместо этого она плотно закрыла дверь, подошла к стене и вынула висевшую в ножнах сталь. Фурианская кровь закипала невиданной ранее бурей. Средний брат усмехнулся и, накинув штаны, вынул свой.

Они сошлись, сестра и брат, в смертельном танце белой стали.

Волибор вначале оказался ошарашен умением Лады фехтовать, но быстро придя в себя, и не гнушаясь физическим превосходством, атаковал.

Сарафан несколько стеснял движения, но мама втайне от отца обучала Ладу премудростям фурианского боя, даже связывала в процессе тренировок ноги, посему, княжна, словно вода перетекала под рубящими удара брата, который позабыв, кто перед ним, махал мечом со всей дури.

А Лада то думала из-за чего Градимир так нетерпим к Волибору, похоже, что он знал о пагубных пристрастиях среднего брата и покрывая неразумство, старался вернуть того на дорогу чести и нравственности.

«Вот я слепая воистину!» – корила она себя, отбивая остервенелые выпады Волибора.

Минута шла за минутой, Лада играючи обивалась, при этом показывая всю тщетность попыток среднего брата её ранить.

«Пора заканчивать!»

Ей надоело фехтовать со слабым соперником, да и не для того Лада вынула сталь, поэтому изловчившись, она отвесила среднему брату смачного тумака и пока тот делал шаг назад, подстегнула мечом одеяло, накинув на нагую Авдотью, прикрыв от постороннего глаза, а сторонний глаз появился. Наконец-то услышав звон мечей, двое из охраны ввалились в опочивальню, застыв в изумлении. Жгучая схватка между братом и сестрой ввергала в шок.

В тот же момент затрубил горн, извещающий прибытие князя.

– Все в порядке, – отмахнулась Лада, – ваша помощь ему не понадобится.

Стражники, в полном недоумении поклонившись, вышли, закрыв за собой дверь. Волибор же в это время, пытался восстановить дыхание.

«С выносливостью у него непорядок!».

– Если ты её не отпустишь и не прекратишь своё распутство, я всё расскажу отцу! – грозно, предупредила Лада.

– Убирайтесь! – процедил Волибор.

Шок от бессилия клокотал в его грязном естестве, понимание того, что он не смог одолеть необученную сестру, словно адский маховик накручивал нервы княжича.

Девушка вскочила и, накинув прозрачный балахон, выбежала на балкон, скрывшись в покоях Градимира.

– Так она ещё и не твоя служащая! – воскликнула Лада, метнув меч в брата, лезвие воткнулось в обитую деревом стену, аккуратно, в пол-локтя от головы. – Да ты подлец, Волибор! Не смей более к ней приближаться!

Выходя из опочивальни, княжна не обратила внимания, как наступила на свой так бережно хранимый подарок, а Волибор налив мёда дрожащими от злости руками, жадно выпил весь кубок без остатка.

Выбежав в коридор, Лада понеслась встречать вернувшихся охотников. Перехватив их у обедни, да сердечно поприветствовав на потянула близнеца за локоть. Затем впихнула Градимира в одну из близлежащих комнат.

– Куда ты его? – крикнул вслед отец, а дядя и двоюродные братья весело рассмеялись.

– Тут недалеко, – улыбнувшись, ответила Лада, запикивая Градимира в кухню.

Кашевары и повара готовили ужин для августейших особ, прислуга сносила дикорастущие яства, работа кипела, но, когда к ним ввалились наследники престола, все замерли.

– Прошу выйти, – приказала княжна.

Подчинившись повелению дочери своего владыки, кухня опустела.

– Ты ведал, ведь так! – без лишних слов начала Лада. – Ты знал, и все равно предпочел быть вымазанным в грязи в моих глазах, но не предал брата! – Градимир молчал. – И много он дев испортил, если не считать твою служанку Авдотью? – брат зарычал.

– Вот стервец! Все же тронул дивчину!

- Как будто ты не знал! – но по взгляду брата было видно, время для притворств прошло.
- Я его проучу.
- Вставай в очередь! – не унималась Лада. – И как долго ты знаешь?
- Пару месяцев точно, но скорей всего это началось намного раньше, – он устало опустился на скамью, сестра присела рядом.
- Его совратили?
- Мне так не кажется, уж больно нахально ведет себя Волибор.
- Лада громко вдохнула.
- Стервец. А я-то думала, ты над ним издеваешься наедине, раз Волибор так ретиво тебя при всех задирает, но, похоже, это и есть его нормальное поведение?
- Да, – вздохнул Градимир, – добавить мне нечего.
- Напряжение понемногу начало отступать, вместо него пришла усталость. Лада положила голову старшему брату на плечо, успокаиваясь и ища поддержки.
- И как мы поступим? – спросила она.
- Отец его не простит, если узнает.
- Но и оставлять так нельзя! Однажды ты не сдержишься и выбьешь дурь из Волибора, я знаю. Тогда перед отцом встанет вопрос – кого наказывать. Я не хочу, чтоб это был ты Градимир.
- Почему ты так считаешь?
- Если Волибор настолько коварен, то способен обогать, не моргнув глазом, а в этот момент, меня может не оказаться рядом, ибо чую, будет свататься к нам князь сарматский, и недалек тот день, когда я стану ему женою.
- Я справлюсь сестрица, тем более порочность брата можно вылечить.
- Ох, и оптимист же ты Градимир, – отстранившись, посмотрела на него Лада. – Не верь Волибору, тьму узрела я в его глазах, поэтому собираюсь обратиться за помощью к Светозару.
- Брат взволнованно схватил её за руку.
- Нет Лада! Для Волибора это путь в один конец! Нужно протянуть руку помощи брату и поддержать, дабы он взрастил свою честь, а не лечить ампутированнием части души. Это поможет, но после, Волибор никогда не станет прежним. Мы лишим его радости жизни!
- Ты прямолинейный до неприличия! Маги ведь не отсекут ему ничего лишнего? – забеспокоилась Лада.
- Они-то нет, но другие могут, если брат продолжит свое распутство. А вот что заберет Чудо-камень, так это радость от улады, и когда Волибор наконец-то женится, то не познает любви. Поэтому своим поведением я хочу донести до него предупреждение, каким будет реакция родных поруганных даже с их согласия дев. Подобное как ты знаешь, заканчивается кровью.
- Тогда как нам ограничить его любвиблие?
- Градмир надолго замолчал, оценивая, стоит ли доверить свои мысли.
- Думаю тебе, княжне сделать это гораздо проще, – осторожно начал он. – Ведь многие девы не чтут старые заветы, и любят с мужами, не вступая в брак. Таких и надо приставить к Волибору с их согласия, разумеется, да слово с них взять, что сие неузнано будет, а за улады доплачивать.
- Это мерзко! – передернуло Ладу. – Но похоже, ради родной крови придётся выпачкаться в дерьме!
- Выбирайте выражения княжна, – игриво-напыщенно молвил Градимир. – Вы не в казарме!
- Лада засмеялась.

– Хорошо. Но нужно обставить все так, чтобы он скрывался о сем, да на совесть давить почаще, глядишь перебеситься. Кстати, как ты братец миновал этот период?

Градмир смущенно покраснел.

– А я его и не прошел. Лишь тренировки помогают мне снимать напряжение.

Сестра хлопнула его по колену и встала.

– Ну что ж сегодня я видела Авдотью, и она очень недурна, представляю, как ты мучаешься по утрам.

– Ой, и не говори сестрица, – поднялся следом Градмир. – Ну что в обедню?

– Да, – согласилась Лада и, взяв брата под руку, зашагала рядом. – Действуем, как условились?

– Именно. Это семейное дело...

Кристофер

Резиденция Уэндемов считалась, чуть ли не сараем, по сравнению с дворцами других знатных домов, тем не менее, родство с правящей династией делало любые светские мероприятия, проводимые там, обязательными для всей западной знати.

Сложенное из красного гранита, здание являло собой единственный образчик древней культуры, из стародавних времён, корни которой располагались в далёкой-предалёкой родине. Широкие барельефы, украшенные крылатыми львами, соседствовали с колоннами в виде колоссов пурпурных имперских воинов, некогда покорённых королём завоевателем – Георгом Первым Эйлестером. Маленькие окна, словно бойницы, говорили о приверженности ваятеля архитектурному стилю древней эпохи, когда былое королевство, воевало со всем и вся, поэтому, каждое строение в древних городах утерянной родины, выполняло роль оборонительного сооружения. Хотя сейчас это и неактуально, но предки Уэндемов решили отдать дань своим корням, и как напоминание о былом величии, возвели резиденцию именно в стиле архаики, дабы юная поросль помнила о традициях и корнях, порождённой ими цивилизации.

Многие считали это декадентством, тем не менее, единственное в своем роде сооружение являлось некой достопримечательностью, и напоминанием, по мнению иных, о трагедии, случившейся много веков тому назад.

Остальные предпочитали возводить строения из обычных серых камней, с последующей отделкой, и каждый дом старался богатством и размером потягаться с той красотой и притягательностью, что таила в себе, древняя архитектура резиденции Уэндемов. Но тщетно.

Сегодня «Леди тысячи озер» назначила бал по случаю отбытия единственного сына в Кельтскую даль.

Кареты одна за другой привозили знатных лордов и членов их семей. На крыльце гостей встречали по всем правилам протокола и, сопроводив в бальный зал, извещали о прибытии согласно рангу и званиям.

Почетная гвардия Уэндемов сегодня представлена двадцатью красно-белыми рыцарями, с новым золотым львом, бегущим на охоту. По такому случаю леди-мать даже приспустила собственный штандарт, отдав пальму первенства, новому гербу сына и наследника.

Кристофер, по настоянию матери, пригласил дворцовый оркестр, лучший во всём королевстве, поэтому живая музыка разносилась по залам веселой трелью, радуя слух и делая антураж резиденции озерного лорда незабываемым.

Глашатай возвестил прибытие леди Вианы, а значит, проводы скоро начнутся, осталось лишь дожидаться короля. Новоиспеченный лорд Уэндем встретил матушку низким поклоном, предложив себя в качестве провожатого, затем завладев её рукой, нежно улыбнулся, и вместе, мать и сын, вышли к гостям.

Бальный зал полон.

Слуги разносили стеклянные бокалы, с благоухающими напитками, приглашенные знатные дамы, сделав книксен, приветствовали хозяйку дома, мужи ограничились лишь полупоклоном.

– Принцев нет. – С неким облегчением выдохнула бывшая королева-мать. – Похоже, задерживаются.

– Не страшно, – попытался подбодрить сын. – Так даже веселей, посмотрим, как они станут извиняться за своё опоздание.

Матушка вымученно улыбнулась, затем в сопровождении сына, проследовала к озёрному трону и присев, принялась ждать августейшего бывшего супруга.

Надо сказать, леди Уэндем пробыла королевой дольше всех, аж семь лет. Даже сейчас её гладкая розовая кожа прельщала многих знатных лордов. Некоторые хотели, женившись возвыситься, но подавляющему большинству мужей Виана просто нравилась как женщина, поэтому предложения руки и сердца сыпались как из рога изобилия. Однако матушка предпочитала пока что безбрачие, уж почему, лишь одной ей известно.

Слуга принес игристое вино, и Кит кивнул подошедшему новому лорду Маргеманскому.

– Приветствую Вас миледи, – поклонился гость, – и Вас юный лорд.

– Благодарю Вас Оданион, – матушка отпила немного игристого напитка, – чувствуйте себя как дома.

Бывший герцог как-то хищно улыбнулся на столь простой и добродушный ответ.

– Всенепременнейше леди Уэндем, ведь столица наш общий дом.

– Разумеется, – холодно ответила леди-мать.

Кит понял сразу столь откровенный выпад на хозяйку, ибо резиденции великих домов считались суверенной территорией и внутри мог чувствовать себя хозяином только один человек, тут не проживающий и это король. Все остальные лишь гости, кто бы что не заявлял.

– Сочувствую Вашей утрате, – медленно проговорила леди-мать, желая вернуть колкость гостю, – она так поразительно своевременна.

– Туше, – нисколько не смутившись, ответил Маргеман. – Муки моего лорда отца продолжились чрезмерно долго, я лишь благодарю создателя, что он позволил побыть моему родителю с нами несколько дольше, чем отмеряно судьбой.

– Как говорят, словяне – «вашими устами да мед пить», – более не желая слушать столь откровенное лицемерие, вступил в беседу Кит.

– Ваше познание, поговорок варваров, умиляет юный лорд, – надменно ответил Маргеман. – Остаётся лишь уповать на то, что их пагубное влияние никоим образом не станет руководить вашими будущими мотивами и действиями.

– Ну что вы Оданион, – ответила мать, – мой сын прекрасно осознает и противится давлению извне, будь то культурное или материальное, однако, ему недостает такта и умения. Тут Вы, к сожалению, правы. Было бы излишне смело предположить, что в обстоятельствах, когда его принудят к подрывающему его же власть браку, с дискредитировавшим себя иноземцем, Кристоферу вряд ли удастся преодолеть их и обернуть себе на пользу, заполучив при этом, в союзники самого богатого и самого сильного, по армии, лордов нашего королевства.

– Воистину так леди Уэндем, – допив игристое вино, ответил Маргеман. – Тешусь надеждой, лорд Кристофер, когда ни будь обучиться этому искусству, – и, сделав театральную паузу, добавил, – хотя, как? Ведь преподавателей кроме варварских кельтов у юного лорда Уэндемского не будет, и прошу извинить, меня ждут дела.

– Разумеется, вы можете идти, – холодным, как лед голосом, ответила леди-мать.

Маргеман уходил, не дождавшись, когда его отпустит хозяйка дома и после брошенной ему вслед фразы остановился, зло оскалившись, собираясь нечто сказать на прощание.

– К сожалению, в будущем, управление новоприобретенными территориями, завоёванные для меня вашими рыцарями, не оставит мне шансов принести вам мои искренние собо-

лезнования, по поводу преждевременной гибели вашего сына от рук злых варваров кельтских, потому нижайше прошу вас извинить за это.

Кит напрягся, но мать положила свою руку на его длань, успокаивая.

Маргеман удалился.

– А этот интриган в чем-то прав, – матушка бережно выправила прическу. – Тебя будет некому наставлять мудрости.

Кит скрипел зубами.

– Наказать подобную мразь, ума у меня хватит.

– Нет, Кристофер. Маргемана нужно одолеть его же оружием, – охладила она пыл сына. – А к этому ты, ещё не готов.

Кит это прекрасно понимал, влияние новоиспеченного лорда Маргемана огромно, даже сейчас попав в крайне щекотливое положение, тому удалось развернуть всё в нужное для себя русло. При этом из презираемых, он внезапно стал поборником западных ценностей, обвинив в убийстве отца своего будущего зятя. Маргеман не убил финикийца, вызвав на поединок, как того требовали законы чести, вместо этого он предоставил возможности принцу Виллберту, пока ещё исполняющего обязанности инквизитора, провести независимое расследование, и со слов старшего брата, все собранные доказательства, подтверждают обвинение Маргемана выдвинутые против финикийского посла. Принц опросил свидетелей, начиная со служанок и заканчивая стражей. Охранявшие покой ныне усопшего, все как один утверждают, что Эрзац был зол на тогда ещё герцога за то, что тот, по свидетельским показаниям рыцаря Уилла Блека, занялся любовью с женой посла прямо у того на глазах. Причем попутно, пройдоха герцог дознался у бывшей супруге о сексуальных наклонностях финикийца, и теперь, помимо всего прочего, послу грозило наказание ещё и за мужеложство.

Просто высший пилотаж!

Да Кристоферу многому ещё нужно научиться, прежде чем вступить с Маргеманом в решающую схватку, а пока же глашатай вошел в бальный зал, чтобы возвестить прибытие венценосца:

– Принц Освуд Эйлестер – Гембский! Голос его Величайшего Величества самодержца Георга Эйлестера первого, покорителя Мальтора и собирателя земель западного королевства!

Леди мать покачала головой и печально молвила:

– Даже не пришел попрощаться с сыном.

Вообще, если государственные дела не дают королю возможности прибыть лично, его представлял сын и наследник принц Виллберт, на существенных для короны событиях, разумеется, и чем менее важным то или иное мероприятие считалось, тем ниже был представитель. Прибытие Освуда подтвердило, что король более не желал иметь ничего общего с Уэндемами, однако, сын будет искренне рад прибытию среднего брата.

Принц, быстрым шагом подошел и крепко обнял Кристофера, отринув правила этикета.

– Ну, братец самоубийца! Промолчать не мог, а? – весело спросил он, отстраняясь.

– Я рад тебе Освуд, – искренне улыбнулся Кит. – Без дураков! – принц с благодарностью поклонился и сердечно поприветствовал хозяйку дома.

– Леди Уэндем, Вы все так же ослепительны.

Освуд склонился и под изумленные взгляды, поцеловал руку опальной королеве, что в принципе, как считали знатные лорды, было для них недостойным поступком.

– Ты все так же честен Освуд, – рассмеялась леди мать.

Принц лишь на три года моложе матушки, но всегда с искренним уважением относился к ней и своему брату по отцу.

– «Честность, Правда, Искренность» – девиз дома Гембов, – кто я такой, чтоб это менять? – пытался отшутиться он. – А все эти высокородные снобы, пусть засунут новые представления о недостойности себе взад.

– Я рада, что ты не просто хранишь эти заповеди в своем сердце, но и всецело им следуешь, – с благодарностью ответила леди мать.

– К сожалению, при дворе это не всегда получается, – печально произнес принц.

– Тише мой мальчик, – обеспокоенно проговорила леди, – тут много ушей и не место для откровенных бесед, – принц понимающе поклонился.

– Тогда поговорим позже, – Освуд вновь весело улыбнулся и спросил брата. – Кит, а какой будет твой девиз?

– У моего дома он уже имеется, – пожав плечами, ответил Кристофер.

– «Мы непорочны»?! – воскликнул брат. – Новые веяния, новые лорды, новые девизы, так сейчас принято.

– Как ты сам и сказал, кто я такой, чтоб менять наше древнее кредо? – Освуду ничего не оставалось, кроме как, развести руками в знак согласия. – Ты собираешься открывать бал, в конце-то концов?! – шутливо укорил его Кит.

– О! Ну разумеется! – Освуд предложил руку леди Уэндем, видя это, оркестр, принялся исполнять медленную мелодию.

Они, вышли в центр зала, закружив в благородном и прекрасном танце. Мать великолепна, как и брат, они грациозно проплывали мимо гостей под всеобщее восхищение, Кит созерцал сие зрелище лишь со стороны.

Когда первый танец завершился, и один из высокородных лордов перехватил матушку у принца, предложив себя в партнеры на следующий вальс, Кит взял с подноса предложенный бокал с игристым вином, вкусив дивный букет напитка, а в это время, Освуда окружили знатные дамы, предлагая себя для танца. Скорый на решение принц Гембский, выбрав юную партнершу, и с огромным удовольствием, закружил её в быстром вальсе.

Бал начался.

После пятого танца и шестого бокала с игристым вином, Кит вышел во внутренний двор резиденции, где расположился небольшой сад с фонтаном и тремя беседками, обвитых лозами винограда и позволяющих уединяться парочкам в тени.

Как странно, никто не вышел на свежий воздух, гости ещё предпочитали пить да танцевать. Слева, у колосса Крохкара, – древнего пурпурного воина поединщика, сраженного Горелом Уэндемом, в битве при обороне первой столицы, его тогда ещё юного дома – Уэндеваля, в войне, отгремевшей давным-давно на потерянной родине, и держащей широкий балкон второго этажа, скрываясь в тени, стояла фигура. Кристофер узнал в ней Илдвайна, личного помощника Освуда.

– Почему ты не на балу? – просил Кит. Хотя Илдвайн не был дворянином, но считался уважаемым и достойным рыцарем. – Да еще и в капюшоне, словно шпион?

– Мой принц! – с почтением склонился рыцарь. – Ваш брат и мой господин уведомляет Вас, что после Вашего отъезда, некие силы хотят опорочить имя Вашей матери и ликвидировать Ваш дом, тем самым, прервав один из древнейших родов нашего королевства.

– Кто? – обеспокоенно спросил Кит.

– Это нам неизвестно, но информация поступила из источника заслуживающего полного доверия.

Рыцарь ещё раз низко поклонился, затем со словами – «Мой господин желает, чтобы он защищал Вас», вытащил из-под полога плаща фамильный меч Эйлестеров, отдав его в руки Киту, и пока тот осматривал белое лезвие древнего клинка, исчез в ночи.

Вот это подарок.

Ситуация осложнилась.

Тем не менее, Кит с самого начала знал, как поступит, информация о заговоре хоть и скорректирует планы, но незначительно, а вот клинок был поистине ценнейшей реликвией,

созданный, как говорят, лично государем ещё на изначальной родине в эпоху завоеваний. Хотя, если вспомнить, король ковал лишь пурпурные клинки, а этот был белостальный.

Ранее, Георг подарил это древнее оружие наследному принцу Виллберту, пятьдесят лет назад, разумеется, кронпринц был опечален тем, что это не пурпуровая сталь. Общеизвестно, клинков пурпура три, один у короля, второй подарен первородному принцу, а третий сокрыт и Виллберт наивно полагал, что достоин древнего клинка, однако, отец рассудил иначе и подарил наследнику не пурпурную сталь, но реликвию достойную оного. Спустя какое-то время, меч перекочевал к Освуду, очевидно, Виллберту подарок отца стал не нужен либо просто не нравился из-за своей архаичности, и вот теперь, средний брат подарил меч ему, гадкому утенку, зная, насколько бережно Кит относиться к собственной истории и истории королевства в целом.

Кристофер посмотрел в окно, где средний брат весело танцевал с очередной партнёршей. Освуд хорошо его знал, он точно рассчитал момент, когда Кит выйдет в сад отдышаться от собственного приёма, и именно в это время поведал ему то, что не мог сказать открыто, при этом сделав тайный подарок.

Очевидно, брат хотел донести ему, что несмотря на общественное мнение, лично для Освуда кровные узы все так же важны, и ему плевать на досужие рассуждения о роли тех или иных домов в судьбе королевства, для Освуда Кит всегда останется тем, кем не размениваются и кого горячо любят, невзирая на превратности судьбы.

Музыка окончилась, предвещая следующий танец, и в этот миг глаза братьев встретились. Кит благодарно кивнул, а Освуд поняв, что информация дошла до адресата, подмигнул ему, и, выбрав новую партнершу для следующего круга, игриво прижал к себе, чем вызвал смущенный румянец на юных щеках цветущей красавицы.

Твердислав

Соленый морской воздух наполнял легкие неподражаемой свежестью, великаны суетились, меняя маневровые паруса, дабы поймать попутный ветер. Не желая мешать команде в выполнении своих обязанностей, Твердислав стоял на носу исполинского догонга и любовался просторами спокойного Горячего моря.

Словно вчера он мчался на чудотворном скакуне в паре с безмолвным магом.

Мимо проносились поля, города, поселки да полстраны пронеслось за те семь часов, что велизарный конь мчал их от столицы до северного оплота. Сейчас кругом лишь спокойное Горячее море. В конце концов, они успели, Словичу удалось всего лишь поблагодарить мага и сразу же подняться по трапу отчаливающегося корабля, ведь когда они неслись на велизарном скакуне, общаться меж собой могли лишь маги, но не как не человек. Посему познакомиться со светочем Чуда-камня Твердиславу так и не удалось. Незнакомец остался далеко позади, впереди ждало долгое плавание в легендарную Валгаллу.

По мере выхода из бухты Твердислав всё же разглядел неприступную «Северную звезду», причем в деталях. Высокие внешние стены, в сорок локтей, ошетинились тысячами многозарядных баллист по всему оборонительному периметру. Второй ряд стен возвышался над первым на десять локтей и служил точкой разворачивания как дальнобойных, так и онагров ближнего боя, далее шли три цитадели и по центру высокая смотровая башня с сигнальными огнями, в мирное время используемая как навигационный маяк. Подобное циклопичное сооружение словяне построили впервые, сейчас на подходе ещё пару таких и оба на юге, оплот «Дальний» и «Росток».

Если северная цитадель защищала верфи «Морского владыки», где на стапелях строилось большая часть словянского флота, то южные оплоты возводились для купирования угроз

брончан с финикийцами, то была задача «Дальнего», и пхазар со скифами это направление прикрывал «Росток», размещённый напротив входа в бескрайние поля.

Но все осталось далеко позади, обратив внимание, что к нему подошел капитан корабля, которого по отбытию члены команды попросили не беспокоить, Слович поклонился и представился, протягивая руку.

– Твердислав, – великан аккуратно пожал княжью длань в ответ.

– Вельдемерикс, – пробасил гипербореец, – капитан этого корыта под названием «Совесть Катуя». Добро пожаловать на борт.

Слович усмехнулся столь предвзятому обращению к подобному восхитительному творению инженерной мысли.

– Если ваш корабль корыто, то, что тогда наши лодии?

Капитан как-то странно на него посмотрел.

– Топоры, коим плавать лишь в ваших песочницах, да по спокойным речушкам, как я думаю, – без прикрас ответил он. – А вот, лодноуты не плохи, хотя с живучестью у них слабовато.

– Вы должны простить моего друга, – раздался голос подошедшего великана и когда Слович взглянул на него, то сразу же низко поклонился. – Манеры капитана всегда оставляли желать лучшего, – Вельдемерикс лишь косо ухмыльнулся, искренне позабавившись удивлению Словича.

– Владыка Рикорус, – поздоровался княжич.

– Здравствуй Твердислав, – велел выпрямиться, сказал маг триумvirата. – Думаю, ты догадался, твоим наставником и защитником в этом путешествии буду я.

– Разумеется, владыка, – держа свои чувства под контролем, ответил Слович, а ведь эмоции хлестали через край. Радость оттого, что он, возможно, познает тайны древних наук и смысл бытия из первоисточника, заставляла сердце биться все чаще и чаще, прочитав подобные чувства на лице юноши, маг несколько, остудил его пыл.

– Всею своё время Слович, может быть однажды, вы научитесь строить не только догонги бороздящие моря, но и такие корабли, что смогут летать, и не исключительно по воздуху, но и к звездам.

Юноша от изумления приоткрыл рот, а капитан пробасил.

– Рано им ещё летать владыка, нас самих бы обучить древним наукам.

Рикорус немного помолчал.

– Мы, а в данном случае все кроме триумvirата, не готовы к тому, что покажет «Ковчег», вспомни Катуя! – маг положил руку на плечо капитана корабля. – Твоё судно не зря названо так, мощь, которую скрывают древние манускрипты и кристаллы, способна уничтожить этот юный мир. Мы не должны так рисковать.

Вельдемерикс стукнул кулаком по деревянным перилам.

«Чем-то расстроен», – подумал юноша.

– Мы, как слепые, заперты на этой планете, нам даже неизвестно, что стало с южным племенем, не говоря о наших братьев, скитающихся меж звезд.

– Это метафора? – вопросом, решил напомнить о себе Слович.

– В какой-то мере, – улыбнувшись, ответил маг и настоятельно порекомендовал капитану более не заводить об этом разговор, во всяком случае, как великаны их называли, при наших детях. Внезапно главный парус на первой мачте забился, словно в истерике, и капитан тотчас же громогласно гаркнул на команду.

– А ну по местам змеи помойные! Потеряете ветер, будете руками грести!

Матросы кинулись менять ориентировку парусины и вот материя, вновь тяжко натянулась, поймав воздушные потоки, погнала корабль ещё быстрее к конечному пункту прихода.

– Иногда мы излишне эмоциональны, – словно извиняясь, молвил маг. – От этого и большинство из бед.

Твердиславу были непонятны данные изречения, но все же, где-то в глубине души, рождалось изнывающее ожидание нечто великого и непременно долгожданного.

Триумвиарий ещё некоторое время молча стоял рядом, любясь морскими просторами, но, в конце концов, решил отправиться в свою каюту, при этом пригласив княжича к себе. Конечно, соседство с храпящими в гамаках великанами воспитывало в Твердиславе твердость к тяготам корабельной жизни, но все же палубу драить его никто не заставлял, питался он с командой, и за эти часы уже сыскал немало друзей среди экипажа.

Так, Твердислав и встретил свой первый морской закат, стоя на носу корабля, пристально вглядываясь в безоблачную даль. Через полторы недели, плюс минус день они будут в Валгалле.

Кристофер

Снаружи доносилась громкая суeta, Виана открыла глаза.

– Кто шумит, так до смешного рано? – спросила она служанку, занимающуюся ночным бдением при ней. Та поднялась с кресла, где несла свою вахту и, отложив вышивание, сообщила.

– Лорд Кристофер готов к отъезду. Ваши вещи собраны, и прислуга грузит последние клади в обоз.

Виана поднялась.

Прежде чем осознать происходящее, она подошла к тазу с водой и умылась, разгоня дрему, после чего проснулась окончательно. На столе аккуратно сложенные в стопки, виднелись походные королевские наряды, с богато украшенной кирасой и ножнами кинжала знатных дам.

«Да, сын все подготовил, но зачем он решил взять меня с собой? Да ещё тайком?» При чем вывести её Кит собирался со всей прислугой, что-то тут было не так. Тем не менее, сын в своем праве. Как лорд великого дома, Кристофер обязан заботиться и распоряжаться своим наследием и, похоже, Уэндемы все вплоть до вассалов, отправляются с ним.

На одевание ушло менее пяти минут, собрав длинные волосы в хвост и завязав узлом, леди Уэндем проверила кинжал, лезвие блеснуло в лучах восходящего солнца. У дальней стены стояло высокое зеркало, подарок ныне покойного отца и леди мать в последний раз взглянула в отражение.

«Настоящая воительница», – подумала Виана, глядя на своё отражение.

В дверь постучали.

– Кто там? – спросила она.

– Это я матушка, – послышался голос Кристофера. – Нам нужно поговорить.

Вина разрешила войти, служанка, отперла дверь, с поклоном впуская юного лорда. Сын, как всегда, казался собранным и не сразу заметил её полную готовность к дальнейшему походу. Остановившись в изумлении и справившись с восторгом, что вызывал ослепительный и лучезарный вид опальной королевы, сын печально улыбнулся.

– Нам пора.

Мать молча кивнула, читая его намерения, и без лишних вопросов последовала за сыном во двор. Обоз уже выдвинулся, скрывшись в длинных узких улочках столицы, а у ворот их ожидала личная гвардия в полном составе, восседавшая на конях при оружии и с поклажей.

Её кобыла, когда-то подаренная бывшим августейшим супругом, ждала, нервно посапывая, ожидая вольной скачки и свежего ветра.

Сын предложил руку, чтобы помочь взобраться в стремя, но мать, лихо вскочив в седло, укорила его.

– Вижу, ты подзабыл Кристофер, кто научил тебя верховой езде.

Молодой лорд помотал головой, похоже, Кит недооценивает её, как же это типично для юношей его возраста. Время сие исправлять, пора обучить сына видеть незримое и догадываться о сокрытом от сторонних глаз.

Меж тем Кит, взобравшись на коня, приказал выдвигаться, и леди Виана, прервав свои размышления, вдарила по бокам кобылку. Та тотчас помчала её на север, а за ней и вся колонна галопом выскочила из резиденции Уэндемов.

Цокот копыт разносился по узким улочкам Кингсбурга, вымощенным камнем. Ночные зрители, изредка повстречавшиеся на пути, гасили масляные фонари и почтённо уходили с дороги, пропуская облаченных в сталь рыцарей, сопровождавших свиту опальной королевы.

Наступало утро.

Градимир

Тихо словно тень, бесшумно дыша, Градимир подбирался к добыче.

Олень одиночка стоял и наблюдал со стороны, как вожак марал охраняет своё стадо.

Ярополк немного отставал.

Они разделились.

Княжич, шёл напрямки, преследуя добычу уже пару верст, а двоюродный братец, немного левее, но каждый держал стрелу наготове.

Лес жил своей жизнью, кричали птицы, летали шмели, опыляя дикую малину, дятел отстукивал ритм, не обращая внимания на внешнюю суету, лишь вожак марал, зорко вглядываясь вдаль, выискивая опасность своим самкам и потомству.

Олень чужак, не рискуя приблизиться, принялся мирно щипать траву, не подозревая об опасности.

Ещё утром, Ярополк предлагал отведать мясо оленёнка, Градимир же был против. Охота для Словичей, скорее развлечение, чем способ выживания, поэтому княжич рассудил так.

«Дичь, подстреленная нами, не должна повлиять на дальнейшие планы матери-природы, олень одиночка прекрасно для этого подойдёт, а ты брат в следующий раз думай головой, а не своей хотелкой».

Тихо и медленно они приблизились на расстояние выстрела.

Тетива натянулась.

Олень чуть продвинулся вперёд, и дерево встало на линии огня.

Градимир замер.

Видя это, брат начал обходить стороной, желая первым сразить ценную добычу.

Время тянулось.

Олень одиночка, словно предчувствуя скорый конец, не желал сдвинуться с места.

Дунул ветерок.

Благородное животное поднял голову, и сделало шаг вперед.

Краем глаза Градимир уловил незаметное движение с правой стороны, и в этот миг стрела Ярополка нашла свою цель. Олень кинулся прочь, а движение справа продолжалось.

Княжич не двигался.

Кто-то к нему приближался.

Увидев выскочившего на поляну издыхающего чужака, марал тревожно загудел, и все стадо тотчас скрылось в лесу на другой стороне.

Градимир резко обернулся, продолжая держать лук натянутым, а острие стрелы устоялось напрямком на неожиданного гостя. Им оказался огромный черный волк. Глазами бирюк уже

раздирал зазевавшегося охотника, грозный оскал дикого зверя и огромные клыки не предвещали ничего хорошего.

Повинуясь инстинктам, Слович чуть было не отпустил тетиву, всадив стрелу меж глаз бирюка, но вот что-то в нём было странное, помимо черного окраса, эта мысль не дала княжичу убить лесного волка. Вместо этого, Градимир внимательно взгляделся в глаза зверя, затем с облегчением опустил лук, и вложил стрелу в колчан.

– Фу-у-у, – выдохнул Слович, вытирая испарину со лба. – Так и дураком недолго стать от неожиданности!

Человек нервно усмехнулся, а бирюк, оскалился и бросился вперед.

Мгновение ушло на прыжок и волк, долетев до человека, испарился, превратившись в легкое синее марево. Градимир даже не подумал шелохнуться или потянуться за мечом. Когда дым рассеялся, в паре метров у огромного дуба стоял маг, хлопая в ладоши.

– Ай да молодец же ты Градимир! – смеясь, сказал он. – Как догадался то?

Княжич приблизился, а затем крепко обнял старого друга своего отца и ответил:

– Помимо того, что, черных волков такого размера не бывает? – смеясь и радуясь встрече, уточнил он. Маг кивнул. – Твои глаза!

– А что с ними? – недоумевал чародей.

– Они же человеческие! – как само собой разумеющееся, сообщил Слович.

Оборотень похлопал крестника по плечу.

– Вот что я тебе скажу юноша, – нравоучительно начал он. – Ты первый кто зрит в корень. Обычно при таких фокусах, видение волка сперва наспигуют стрелами или копьями, если не сбегут от страха в самом начале, а потом уж разбираются, бывают такими большими волки, иль нет.

– Вервульф! – раздался в стороне голос младшего Словича.

– Ярополк! – воскликнул маг и заключил юношу в свои объятия. – Эво как вырос! – отстранившись и осмотрев того с ног до головы, молвил оборотень. – Последний раз, когда мы встречались, ты катался у меня на спине!

– А я и сейчас могу! – пошутил Ярополк, но представив это, маг почтительно отказался.

– Нет уж, увольте! Вы выросли юноша, а моя спина не молодеет. К сожалению.

– Ну, тогда старичок вот возьми, – младший Слович поднял ветку, протянув её чародею словно посох.

– Остряк как погляжу, – хмыкнул маг, вдруг что-то заставило его замереть и приняться. – А ты в курсе, – обратился Вервульф к Ярополку, – что стая волков уже приближается к твоей испутившей дух добыче, и ежели не поспешишь, то от неё ничего не останется!

Брат схватил рог, подавая сигнал ожидавшим на дальней опушке витязям, немедля прибыть к ним, а сам помчался к подстреленному оленю.

– Вот уж дудки... – донеслось ворчание убегающего юноши.

Оборотень проводил Ярополка долгим взглядом и не без доли иронии произнёс:

– Нет ничего лучше, чем вид убегающего от тебя охотника!

– А как пятки сверкают! – поддержал хохму Градимир, весело засмеявшись.

– Пойдем Слович, – обнял его за плечи маг и потащил навстречу приближающейся охране. – По дороге ты расскажешь, отчего магистр Тана вызвал меня в Ярилгород так спешно, а также поведай к чему эта вся секретность с велизарными перемещениями.

Твердислав

Вечером камбуз по обыкновению заполнен членами экипажа. Кто ужинал, кто, закончив трапезу, разминал затекшие мозолистые руки, кто просто дремал, улучив небольшую передышку.

Снаружи бушевала буря.

Третьего дня, пути по курсу, была замечена гроза, и капитан принял решение обойти бурю севернее, но как бы стремительно не двигался догонг, шторм был быстрее. Стихия словно читала, куда направиться корабль и всякий раз преграждала маршрут. Сполохи молний разили море, не переставая, волны становились все выше и выше, отчаянная гонка корабля и бури закончилась в пользу последней. Великанам так и не удалось обойти непогоду, сейчас же они решали, что делать далее, ибо уходить севернее уже нельзя, так как дальше было царство вечной ночи, с находившимися там льдами и айсбергами.

Как-то одним вечером Твердислав спросил Вельдемерикса, когда тот, вволю побушевав над подчиненными, благодушно играл с ним в шахматы:

– Что там за айсбергами? – и тот поведал, – «дальше лишь тьма и лед».

Бесконечные поля снега, от горизонта и за горизонт и нет им ни конца, ни края.

Ранее Гиперборейцы часто отправляли экспедиции огибать ледяную шапку, чтоб оценить динамику таянья или намерзания полярных льдов, но после того как последние десять мореходов не вернулись, никто более носу туда не совал. Поговаривают о том, что в ледяной тьме зародилась лютая сила. Теперь она правит льдом и мраком, не пуская в свои владения чужеземцев.

С противоположной стороны земли, где в бескрайних диких лесах находилась легендарная Лемурия, солнце светило всегда. По преданиям, в столице исчезнувшего Лемуриона есть храм, возведённый точно на оси вращения планеты, со шпилем с ориентируемым на солнце. Говорят, пока этот храм стоит, начавшийся в незапамятные времена день и лето, не закончатся никогда.

Сейчас же триумвиарий и капитан решали, что делать дальше.

– Какой толк от твоих способностей владыка, если стихия ослепила тебя! – бушевал Вельдемерикс. – Ты словно новорожденный котенок не знаешь где сиська!

Маг несколько опешил от подобной прыти капитана, но спокойно отвечал.

– Всей планетарной силе не ослепить меня друг, однако, сейчас это именно так. Я, конечно же, разгадаю тайну возникновения подобного шторма, но для этого мне требуется несколько больше времени, чем обычно, ибо с подобным явлением мы не сталкивались, поэтому пока что ориентируйся по компасам.

Капитан вынул свой и приказал остальным сделать то же самое, стрелки на всех без исключения приборах хаотично кружились, показывая разное местоположения севера.

– Либо планета меняет геомагнитные полюса, – зло стукнув по столу, сказал капитан, – либо ты владыка в очередной раз решил устроить нам учения! – Рикорус искренне недоумевал, ведь он непричастен к происходящему, но капитана это не устраивало. – Хочу тебе напомнить Друже Рикорус, – продолжал наседать Вельдемерикс, – воды и пищи мы взяли на сорок пять дней! Сейчас уже пятьдесят первый день плавания! Мы что подошвы от гадов должны жрать, а пить собственную мочу?!

– Успокойся Вель, – молвил маг. – Давай на секунду все же предположим, что сия буря не плод моих магических усилий. Если это так, то что бы ты тогда предпринял?!

Вельдемерикс застыл с открытым ртом, тяжёлый мат так и желал вырваться из него, но отдышавшись, да с недоверием капитан ответил:

– Если это действительно не ты владыка, то я считаю нужно развернуться и идти назад прежним курсом, с поправкой на течение, разумеется.

– Значит, ты уже не надеешься обойти шторм? – уточнил Рикорус.

– Конечно, нет. Компасы сошли с ума, без них мы заблудимся, ведь буря воистину огромная, попытайся мы пройти сквозь неё вперед, то вскоре всего погибнем. Собранная командой дождевая вода голода не убавит, а провизии практически не осталось. Выход, как я вижу, только один, – и все члены экипажа разом замолчали, вслушиваясь в слова своего капитана. –

Нужно прорываться сквозь шторм назад либо на восток к горам Грабара, либо к песчаным кряжам земель Словичей, что в данной ситуации крайне проблематично.

Маг согласился.

Вот только в этот момент в душе Твердислава закралось сомнение в правильности выбора курса и чем дальше они углублялись в шторм, пытаясь из него выбраться, тем сильнее становилось тревожное чувство.

Бурун-хан

Брончанин не обманул, ни «Дальний» ни «Росток» так и не явились, а гарнизон Луггора даже не собирался выходить из города, чтобы встретить захватчиков. Очевидно, всё идет по плану и в этом году Бурун выполнит то, что обещал алчному торговцу, но и с брончанина требовалось немало. Даже если набег закончится неудачно, в чем Бурун-хан сильно сомневался, скифы уже крепко заинтересовались его предложением, как и Чулум с Малаем. В его собственных землях клич достиг самых отдаленных аулов и уже весной все будет готово к историческому походу на словян. Пока же, разорив бессчётное количество сел и посадов по дороге к Луггороду, Бурун отправил первые тысячи пленённых словян в Утес-Улы, где собирався продать тех заморским торговцам, да подороже.

Всё идет гладко.

Размышляя о грядущих победах, хан не заметил, как в шатер вошел незнакомец. В простой коже, со знаком визар-чулума, пхазар поправил кривой меч и замер у входа.

– Стой, где стоишь! – грозно проговорил саддаккар. – Кто тебя впу... – незнакомец взмахнул рукой и визар-садд-Бора застыл каменной статуей.

Бурун усмехнулся.

– А я все ждал, когда же вы изволите появиться, – незнакомец почтительно поклонился.

– Моё имя Нуман, великий хан, я здесь чтоб проследить за выполнением нашего уговора.

Наконец-то сестры сумрака прислали своего наблюдателя, а то Бурун все гадал, кто из его свиты их глаза и уши.

– Ты некромант? – напрямик спросил хан, не желая недосказанности.

– Только Ведьмак, – почтительно ответил Нуман.

– Тогда какой от тебя прок? Будешь стоять над душой?

– Любое задание, что не повелит великий хан, будет исполнено, – раболепно молвил Нуман. – Но после выполнения твоих обязательств.

Бурун указал на цельный золота сундук.

– Забирай, это последняя часть выплаты.

Ведьмак хлопнул в ладоши и злато испарилось.

– Договор выполнен, – поклонился Нуман. – Будут ли мне ещё приказания?

– Позже, а сейчас отправляйся в разведку, там пока что послужишь, да карманы свои набьёшь, – ведьмак взмахнул рукой, саддаккар вновь ожил.

– ...впустил? – договорил незаконченную фразу телохранитель.

– Прошу извинить великий хан, что потревожил Вас луноликий внеурочное время, я зайду позже, – с нотками испуга и дрожью, нарочито наигранно проговорил ведьмак.

«Хитер!» – мысленно усмехнулся Бурун.

– Пошёл вон! – гаркнул саддаккар, и вновь застыл на своём посту, после того как незваный гость ретировался.

Градимир

Сарион примирительно поднял руку.

– Довольно! – тяжело дыша, молвил он.

«Почему первый меч так быстро устал?», – искренне недоумевал Слович.

– А что тебе трёх часов в поединке со мной маловато будет? – усмехнулся велизарный, прочтя его мысли.

– Вообще-то да! – с укором молвил Градимир. – Не нужно щадить моё самолюбие, бейся в полную силу!

Велизарный поставил тренировочные мечи в арсенал и устало присев на скамью, обтерся полотенцем.

«Похоже, он действительно выбился из сил», – покачал головой княжич.

– Не сегодня Градимир, – тихо ответил Сарион. – Твоя сила растёт, ты по праву меня измотал. Через неделю попробуем вновь, и до того, как ты меня опять утомишь, я одержу победу. – Княжич не согласился, однако, первый меч продолжил его раззадоривать. – Полагаю, когда отдохну, то достигну её довольно быстро.

Княжич скинул рубаху и вылил на себя ведро воды, приготовленной заранее. Градимир решил прервать этот глупый разговор об – «если бы да кабы».

Хорошо, Сарион просит время на подготовку, тогда подождём.

Если честно, в последний месяц на велизарного немало выпало испытаний, помимо победы над подземным змеем, Сарион несёт неусыпную вахту, не допуская открытия в столице новых порталов из неведомых краёв, совместно с Вышегором. Когда придёт гиперборейский маг триумвирата, эта нагрузка с них спадёт, вот тогда и можно тренироваться с первым мечем в равных условиях.

Слович присел рядом и отпил из крынки молока, затем передал её Сариону.

– Спасибо, – ответил тот.

– Я действительно так хорош? Или ты сильно ослаблен последними событиями? – принялся докучать с расспросами княжич.

– Да, – ответил велизарный, глядя вдаль. – Три раза ты был близок. Если станешь чуть быстрее вертеть вихрь, то равных тебе в этом элементе не будет никого на свете. Уж поверь, – маг обернулся и посмотрел в глаза Градимиру. – Я знаю. К тому же твои кистевые вертелы, все ещё медленные, не хватает хлесткости, над этим тоже потренируйся и лучше по шею в воде.

– Добро, – благодарно кивнул Градимир. – Буду ходить к Колве по утрам и...

– Нет, не к реке, – прервал велизарный. – Надо отрабатывать элементы боя в топком болоте, проточная вода, конечно же, натренирует, но если хочешь ускорить свой прогресс как фехтовальщика, место я укажу. Собирайся!

Маг резко встал и пошел к конюшням.

Вдалеке мелькнула зарница.

Слович оделся.

«Интересно, что замыслил Сарион?», – но вопрос задавать не стал, а молча последовал за наставником.

*

Трясина засасывала постоянно, приходилось то и дело работать ногами, хотя нет, ногами он трудился не переставая.

Градмир тренировался.

Вихрь никак не желал крутиться, вертелы выходили медленными и корявыми, к тому же Сарион вместо белостальных лёгких мечей, передал ему тяжёлые чугунные чурки, лишь издали похожие на оружие.

Прежде чем явиться на топкие болота, они заскочили в кузницу, где им их отлили.

Велизарный сидел на пеньке у берега, мило беседуя с водяным, хозяином сих мест. Похоже, они старые друзья.

Вокруг болота, куда ни глянь, рос хвойный лес. Одинокие ели, стоявшие в воде, колыхались своими лапами, когда Слович пускал волну, отрабатывая движения, квакающие лягушки перепрыгивая по листьям кувшинок, стараясь держаться от человека подальше, гукнул одинокий филин, наблюдавший за тренировкой и кто-то, тронул юношу ногу.

Градмир резко крутанулся.

Вышло опять медленно.

Его вновь задела сзади, Слович принялся крутиться в вихре, пока от усталости не замер. Дышалось тяжело.

В паре метров, из-под густорастущего ковра тины, вынырнула русалка, сначала одна, потом ещё одна и вот уже три хвостатые девицы, кружили вокруг Словича, задорно смеясь и улыбаясь.

– А ну не препятствовать! – рявкнул водяной.

– Мы и не мешаем, – ответила одна из русалок. – Мы стимулируем! – она, подплыла к юноше и, обвив шею, нежно поцеловала. Градмир вырвался. – Фу, какой недотрога! – обиженно сказала русалка, с досады окатив мутной водой.

– Может ему не нравятся твои белые косы?! – с издевкой, спросила вторая и вынырнула из вод, показав себя всю выше пояса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.